

ДИАНА ЧАЙКОВСКАЯ

ЧЕРНЫ
В СЕБЕ МЕСТЬ

Диана Чайковская
Я выжгу в себе месть
Серия «Отражения. Ретеллинги»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69985654

Д. Чайковская. Я выжгу в себе месть: ООО «РОСМЭН»; Москва; 2023

ISBN 978-5-353-10649-4

Аннотация

Все девицы Холмогорского княжества мечтают о свадьбе, и только Василика совершенно не хочет замуж. Лучше стать вольной птицей – ученицей ведьмы Ягини в колдовском Лесу, ворожить на крови и любить, кого хочется.

Вот только ведьмы, оказывается, трудятся с утра до ночи, а в Лесу поджидают смертельные опасности – если не заморочат русалки, если не заманят духи Нави, так завлечет лихой чернокудрый всадник Ночи... Василике придется бежать в царство Смерти к самому Кощею Бессмертному. Выдержит ли она суровое наказание за свое легкомыслие? Не наделает ли новых ошибок?

Содержание

Пролог	5
Неровные стежки	11
Волчья тропка	33
Плен трав	55
Костяной дом и ягодное вино	77
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Диана Чайковская

Я выжгу в себе месть

© Д. Чайковская, текст, 2023

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2023

* * *

Пролог

В избе старого кмета лежали серьги из червонного золота, шелковые ленты, яркие наряды и кокошники всех цветов с бисерными нитками. Недурно, в общем-то, особенно для городской девки, которая приехала погостить в Ближние Выюнки вместе с матерью. Калина – племянница кмета – хмурилась и вечно перебирала свои украшения. Наверняка тосковала по городским стенам, но уезжать они пока не собирались.

Деревенские постоянно заглядывали в дом. Молодицы с завистью рассматривали красочные поневы, дорогие ленты и каменья, а молодцы чуть не сворачивали шеи, глаза на девку.

– Ишь, какие любопытные, – фыркала Калина.

У всех девок – белые да красные платки, а она приехала, словно княжна, в кокошнике да в каменьях. Но ничего, пусть смотрят и душат себя завистью. Молодице положено рядиться дорого и богато, иначе никто не посватается. А так, глядишь, осенью нагрянут один за другим.

Тем более что в Ближних Выюнках догорало лето. Пахло поздними яблоками, колосьями и медовым сбитнем. Большинство молодежи бродили с корзинами по перелеску, выискивая грибы. Калина осмотрелась и решила последовать за ними. Взяла корзинку и побежала к перелеску. Стоило ей

подойти, как девки мигом окружили с разных сторон.

– А пошли с нами по грибы? – подхватили ее под белые руки. – Вон там у речки та-а-акие белые растут!

Девки засмеялись. Калина пожала плечами и согласилась. Она ведь и так собиралась поискать разных лисичек, подберезовиков, опенков, а если белые попадутся, то вообще прекрасно будет!

Но ей не везло. Пока другие набирали целые корзины, Калине попадались сплошные поганки с тоненькими ножками. Стало до злости обидно. Неужели она окажется слабее девок из глуши?! А шиш! Насобирает и принесет домой корзину белых!

С этой мыслью она пошла через перелесок, травянистый, но совершенно безгрибный. А вот в лесу уже было лучше: то тут, то там прятались круглые коричневые шапочки. Калина выхватывала их взглядом, очищала от травы и срезала. Самые здоровые, размером с кулак, почти забились под землю и покрылись мхом – с первого взгляда и не заметишь. Приходилось заглядывать под каждый куст, обходить кругом деревья, проверять мшистые камни. Всюду могли прятаться знакомые шапочки.

Сама того не заметив, Калина пришла к незнакомой избушке. Ворота во двор были открыты, а тропка под ногами внезапно сделалась невидимой. Выхода не было – пришлось зайти во двор и постучать в дверь.

«Уж не ведьма ли тут живет?» – мелькнула страшная

мысль, но на месте тропки уже вились заросли шиповника.

По телу пробежали мурашки. Жуткий страх пробрал Калину. Она не знала, что делать: то ли бежать, пытаясь пробиться сквозь заросли, то ли спрятаться за дерево. Так и замерла на месте, словно какая-то не́жичка.

Неизвестно, сколько бы Калина там простояла, может, и до вечера, если бы дверь не отворилась с жутким, почти ужа-сающим скрипом.

– Чего надобно? – выглянула седая женщина. Высокая, статная, ничуть не сторбленная и немного полноватая. Поджав тонкие губы, она с любопытством оглядела Калину. – Что, в ученицы пришла проситься?

– Да нет, – вздрогнула та. – Я заблудилась просто...

– Заблудилась, – задумчиво произнесла незнакомка. – Ну-ну. Заходи, заблудшая, чаю попьем, пряников поедим. У меня как раз земляничный настоялся.

Внутри пахло травами и какими-то лекарствами, всюду висели охапки растений, из печки посверкивали багряные глаза. Калина испуганно вжалась в лавку. Ее трясло от страха так, что хотелось провалиться сквозь землю.

– Да не бойся, – фыркнула хозяйка. – Не собираюсь я тебя есть.

– Есть? – Калина не поверила своим ушам. – Вы... ведьма?

Незнакомка рассмеялась, но не зло, а как-то по-доброму.

– Она самая, – хмыкнула. – Ягиня, которая Костяная. Жи-

ву тут который век и ищу ладную ученицу. Если Лес тебя привел, значит, можешь ею стать.

– Я не хочу становиться ведьмой! – возмутилась Калина. – Меня матушка ждет. И жених. И отец.

– Во как. – Ягиня покачала головой. – Ну ничего, пей чай, а на меня не обращай внимания.

Калина отхлебнула из чашки. Напиток был в меру сладким и отдавал спелой земляникой. Она повернулась, чтобы поблагодарить хозяйку, и замерла – та перебирала в руках колоду карт. Жуть какая! Нянюшка постоянно пугала Калину, рассказывая, что недобрые и страшные старухи затаиваются в своих избах, как паучихи – в темных пыльных углах, и выплывают всякую злую ворожбу, и не без помощи гадальных карт.

Разложив потертые карты, Ягиня хмыкнула и произнесла задумчиво:

– Будь по-твоему, девка. Как доешь пряник, я отведу тебя к перелеску.

Калина не знала, радоваться ей или плакать. Ведьмино угощение не лезло в рот, хотелось уйти как можно скорее и больше никогда не возвращаться в это проклятое место. Уж лучше вечно служить волхвам или сторожить пламя в капище, чем жить в глухом Лесу, родниться с чудовищами и отдаляться от всего человеческого!

Наконец Костяная Ягиня вывела ее за ворота. Две пары глаз проводили их взглядами, полными любопытства. Кали-

на чувствовала, как духи смотрели им в спины, но страх не позволял обернуться, скорее наоборот – гнал прочь от ведьминой избушки.

Они шли по удивительно ровной тропке. Калина почти бежала, стараясь побыстрее прийти в деревню, пусть без корзины, зато живая. Стоило тропке вильнуть, как лесной мрак исчез, – широкие дубы и ели будто бы растворились.

– Ну все, – спокойно сказала ведьма. – Дальше перелесок, а за ним – твоя деревня. Не заблудишься, теперь уж точно нет.

– Благодарствую! – произнесла Калина.

Ее учили, что на добро надо отвечать добром, даже если перед тобой – ведьма.

– Успеешь еще поблагодарить, – как-то хитро усмехнулась Ягиня. – Ступай.

К удивлению деревенских девок, Калина вернулась из смарагдовых дебрей целехонькой. Заплаканная мать кинулась к ней, прижала к себе и поклялась больше не отпускать одну. Слухи по Ближним Вьюнкам разносились быстро, поэтому о погибели молодежи в Лесу уже знали все. Как же на нее смотрели, когда она шагала по дороге, уставшая, но живая!

О, Калина пообещала себе, что никогда не забудет этих взглядов, а свое ощущение превосходства над другими обязательно передаст дочерям и сыновьям. Как ни крути, а девка должна сохранять гордость, даже если с ней случилось что-

то мерзкое, точнее, *особенно* если с ней что-то случилось.

Неровные стежки

Не сиделось Васили́ке в купеческом доме. Отец ее много разъезжал по заморским краям, торговал шелками, мехами, камнями, а по возвращении рассказывал такое, что у нее поневоле загорались глаза. Даром что мачеха раз за разом повторяла, мол, здоровой девке пора замуж. Полная и вечно недовольная Калина не была ей родной матерью, поэто-

му особой теплоты к Василике не питала, но и делать из купеческой дочки посмешище не собиралась. Шутка ли, девке шел семнадцатый год, а она до сих пор не была сосватана. Так ведь и дурные слухи про их семью могут пойти, и тогда никто не посмотрит на старших дочерей.

Да, были у них молодцы на примете, но и те косились на Василику. Калина мечтала выдать замуж старших, но хлопцам побогаче больше нравилась младшая Василика. Все было при ней: и статное тело, и крепкая русая коса, и цветастые поневы с рубахами, и кокошники с разными камнями, и усерязи¹ дивной красоты, и даже заморские мази. Одной лишь головы не было, как говорила мачеха. Да, не хотела Василика замуж. То дегтем перемажется к приходу жениха, то целую седмицу не купается, то просто сбежит со смотрин в дикий Лес.

Ей настолько полюбилась непроглядная чаща, что она могла пропадать там целыми днями, являясь домой под вечер. Другие люди дикого Леса опасались, говорили, что там испокон веков живет злая ведьма, а изба ее сделана из человеческих костей. Но Василика много раз проходила мимо того дома – самого обычного, деревянного и с трубой. Правда, заходить к Костяной Ягине боялась. Мало ли, вдруг есть в рассказах крупица правды?

– Опять она за свое, ты погляди! – пробурчала Калина на вернувшуюся из Лесу Василику. – Вся в листьях и колючках,

¹ Височные кольца. – Здесь и далее примеч. авт.

чтоб тебя, неугомонную, Ягиня сварила, раз замуж за Миклая не хочешь!

Видела Василика того Миклая – бородатого, пахнущего дурной брагой и потом. Статный воин и служил у самого князя. Жаль только, что ее он совершенно не привлекал, – не нравились ей могучие богатыри. Калина сыпала искрами, кричала, что отправит Василику в черную избу, где доживали свой век старые девы, прислуживая богам; что нажалуется отцу, и тот силком выдаст ее замуж за первого встречного, а после приказала всем трем дочерям вышивать багряными цветами полотенце. Калина собиралась преподнести его мужу – ценный дар, сделанный родными руками.

– Чтоб ни шагу из дома! – шикнула купчиха, гневно глянув на Василику, и с грохотом захлопнула тяжелую дверь.

Купеческая дочка с тяжелым вздохом уставилась на связку нитей. Вышивание не входило в число ее любимых занятий, чего нельзя было сказать о сестрах, – те радовались каждому ровному стежку и старательно вышивали целые цветастые поляны, украшая полотенца, скатерти и собственные рубахи и поневы. У Василики все было наоборот: ее единственная работа – несчастные вкривь и вкось вытканые маки – смотрелась жутко. Иной раз казалось, будто цветы ехидно улыбались, мол, не дадимся в руки, отобьемся кривыми лепестками. На изнаночную сторону и вовсе было страшно взглянуть – столько узлов! Василика пыталась подвязывать нитки аккуратно, как делали сестры, а получались огромные

нитяные комки, мешающие друг другу.

– Как там твой подвенечный наряд, сестренка? – ележно усмехнулась Марва, считавшаяся лучшей рукодельницей в семье. – Не готов ли еще?

– Пока нет, – ответила Василика. – Но я тружусь над ним.

Марва и Любава переглянулись и заливисто захохотали. У них самих сундуки с приданным давно были готовы. Каждая выткала и вышила себе по белому платью, украсила камешками и теперь ожидала суженого. У Василики лежал кусок ткани с кривым шитьем. Она временами страдала над ним под суровым присмотром мачехи, которая качала головой и говорила, что не будет из Василики доброй и умелой хозяйки, если та не может сделать даже подвенечного платья.

– Кто ж с подола-то начинает, – сокрушалась Калина. – Совсем девка ума лишилась, хоть и молодая еще.

Купчиха много раз угрожала ей черной избой и обещала, что однажды утром приедут за Василикой служители богов и утащат ее силком, если сама не согласится уйти.

– А что, разве под венец силком идти лучше? – отвечала падчерица. – В черной избе хоть мужика обхаживать не надо.

Калина краснела и с трудом сдерживалась, чтобы не свернуть глупой девке голову. Еще бы, кто же сравнивает замужество с прислуживанием богам?! Только страшные дуры, которым не повезло родиться бедными, бледными, худощавыми, с редкими волосами и впалыми щеками.

Василика, тяжело вздыхая, сплетала багровые нитки и

втайне надеялась, что однажды отправится в Лес и исчезнет. Не услышит больше упреков мачехи и насмешек сестер, не будет наряжаться на смотрины и поражаться жутким сальным молодцам, которые выглядели не красивее лохматых лешачат. Она мечтала о невозможном – о славной воле, когда не надо колоть руки иголкой и мучиться над вышиванием целыми вечерами. Но девкам нельзя было даже допускать подобных мыслей. Все знали, что главное в жизни – теплая изба и храпящий мужик под боком. Какой, не важно.

Василика смотрела, как ладно выходили у сестер зеленые листочки, и неохотно завидовала. Наверняка мачеха похвалит их за трудолюбие, а ее снова начнет бранить одними и теми же словами.

Поначалу, когда отец только женился, Калина была доброй и относилась к падчерице с теплотой, стараясь не обделять ее лаской. И леденцы дарила, и ткани хорошие для нарядов выбирала, и следила, чтобы все девки сытно ели и оставались румяными, – словом, заботилась. Но когда у Василики пряжа с шитьем начали валиться из рук, а на смотрины она стала приходить в жутких одеяниях, Калина заподозрила неладное и забила тревогу. Поначалу мачеха пыталась мягко говорить с Василикой, намекая, что девке *стоило бы* выйти замуж, но та вроде слушала, а потом убежала в Лес и бродила по узким тропам среди деревьев и кустарников. Мачеха злилась, надеясь: чем сильнее отругает, тем больше будет стараться безрукая падчерица в следующий раз.

Василика возилась с нитками, а сама думала, как там ее верный конь Яшень, достаточно ли овса ему давали, ласково ли гладили по рыжей гриве. Когда отец вернулся с подарками, дома устроили пир. Красавице Марве достался сверкающий кокошник, пышнотелой Любаве – жемчужные бусы, а младшая Василика, как и просила, получила славного жеребца. Помнится, Калину чуть не хватил удар. Купчиха кричала на мужа, напоминая, что потакать прихотям глупой девки не следует, что Василика до сих пор отказывается ходить на смотрины.

– Глаза б мои не видели, как она по лесам скачет! – причитала Калина.

– Так ведь и так не видят, матушка, – отвечала падчерица. – Или вы следом за мной скачете?

– Ах ты ж, бесстыдница! – пуще прежнего завопила мачеха. – А ну бегом в свою комнату, и чтобы не выходила до вечера!

Василика правда не понимала, почему Калина не выдаст замуж двух старших, тем более что им давно пора было. Отчего-то мачеха прицепилась к ней, как репей к подолу, и не отставала.

Василика тяжело вздыхала, перебирая воспоминания и стараясь хоть как-то отвлечься от опостылевшего шитья. Черная изба уже не казалась такой пугающей. Почему бы и впрямь не податься в божьи служки? Поддерживала бы святое пламя, ворожила на птичьих костях, предсказывая судь-

бу князьям, их женам и детям, и никто не посмел бы сказать ей слова поперек. Дев из черных изб уважали, иной раз приглашали на пиры, хоть и болтали за спиной дурное, поговаривая, будто у них под подолом вместо белых ног – копыта, а снизу торчат хвосты. Интересно – правда или пустые слухи?

Василика взглянула на догорающую свечу и усмехнулась собственной шальной мысли. Не сбежать ли ей вместе с Яшенем на вечерок? Мачеха подумает, что она вышивает или спит, а в конюшню не сразу заглянет. Если ее и хватятся, то очень не скоро.

Спутавшиеся в очередной раз нити выпали из рук вместе с тканью. Василика быстро переделась, потушила огарок и тихонько, как мышь, пробралась во внутренний двор. Измотанные слуги смотрели третий сон, петухи молчали, дожидаясь рассвета, только Трехликая Богиня-Мать со своими многочисленными детьми глядела на Василику и словно улыбалась.

Огненный Яшень радостно заржал, увидев хозяйку. Пришлось шикнуть на коня – иначе всех перебудит, и тогда Калина начнет кричать и хвататься за сердце. Василика взяла Яшеня под уздцы и вывела из конюшни, ступая тихо-тихо, без лишних шорохов. Когда ворота остались позади, она облегченно выдохнула, вскочила в мягкое седло и натянула поводья. Конь громко заржал и понес ее далеко-далеко. Не успела она мигнуть, как батюшкин дом вместе с рядом других купеческих крыш скрылся в ночной мгле.

Калина давно собиралась перебраться в город вместе с дочерьми, чтобы быть поближе к людям и подальше от жути и навий, но все время находились другие дела. Чутье подсказывало Василике, что скоро закончится ее вольное житье, — однажды мачеха вспыхнет и прикажет собрать все добро в сундуки, приготовить несколько возов, схватит падчерицу за косу, посадит рядом с собой, чтобы наверняка не сбежала, и поедут они в новый дом.

Яшень пересек перелесок и побежал по знакомым тропкам. Любопытные лешачата тут же запрыгали вокруг. Раньше они пытались пугать Василику, но потом подружились с ней. Она приносила детям Лешего пироги, мед, варенье — все, что было легко утащить с кухни. За это лешачата полюбили ее и пускали в самую глубь чащи, где не ездили одинокие всадники. Все знали, что лесной царь обожал путать маленькие тропки и переплетать их так, чтобы добрый человек не выбрался из его владений живым.

Но Василику это не пугало, напротив, что-то скреблось в ее сердце и зывало к смарагдовым духам, как будто душа ее хотела вечно блуждать между широкими деревьями, весной покрывать их зеленью, летом наполнять теплом, осенью собирать хрустящие листья, а зимой — морозить и укрывать мягким снегом. Калина, узнав о таких мыслях падчерицы, наверняка затряслась и упала бы, поэтому Василика не могла сказать мачехе правду.

Ни один из молодых не приглянулся, ведь сердце ее уже

давно было отдано змеящимся тропкам, шелестящим кронам, толстым древесным жилам и пляшущим лещачатам. Иногда она даже завидовала Костяной Ягине. Ее изба стояла среди необъятных дубов и статных кленов. Если не всмотреться, можно и не заметить ворот – старых, почти заросших и наверняка скрипучих, хотя Василика ни разу не видела, чтобы они открывались или закрывались, как будто и не жил никто в том доме.

Яшень навострил уши. Ведьмина изба внушала ему неподдельный ужас. Лещачата затихли и поползли в разные стороны. Боялись. Василика тоже инстинктивно задрожала и повернула коня. Страшно. Чудилось, что за воротами валяются груды человеческих костей, а когтистая Ягиня за столом доедает человечесью ногу, сверкая нелюдскими глазами. Говорили, что ей минул четвертый век. Князя сменялись, умирали простые люди, а костяная ведьма жила и подпитывалась горячей кровью. Ела и животных, но чаще всего хватала любопытных людей, которые забрались глубоко в Лес. Интересно, почему ведьма не трогала ее, Василику? Могла ведь выскочить из-за ворот и схватить, но нет, видимо, не по вкусу ей была молодая девка. Может, ведьма предпочитала охотиться и любила, когда добрый человек кричал и вырывался, а не сам шел в морщинистые руки?

Яшень погнал подальше от колдовского края. Лещачата проводили Василику любопытными взглядами. Наверняка расстроились, что не принесла им гостинцев. Что поделать,

не всякий раз получалось что-то стянуть. Однажды Василику застучала кухарка. Пришлось наврать, что захотелось поесть вишневого варенья напрямик посреди ночи, а будить слуг было несподручно. Та вроде бы поверила, но посмотрела косо. С тех пор Василика проявляла осторожность. Мало ли, вдруг кто расскажет мачехе, а та заподозрит неладное.

Ночной воздух приятно охлаждал. В Лесу было особенно свежо, намного лучше, чем в людной деревушке или городке. Вечерами трактиры стояли полупустые – кому охота в такую погоду сидеть в четырех стенах, вдыхать жаркий воздух и есть жирную похлебку. Другое дело – цветочно-травяные ковры. Иногда на растущую луну Василика замечала возле опушки лекарок и колдуний, выскивающих целебные и волшебные травы, которые нужно собирать при нарастающей луне. Вот и теперь две женщины бродили неподалеку. Она видела их силуэты, но не стала подходить близко. Василика надеялась, что они не обратят на нее внимания. Поговаривали, будто у лекарок и колдуний были птичьи глаза вместо человеческих, потому они умели собирать и выплетать венки даже в непроглядной тьме. Так благословила их Трехликая Богиня-Пряха, питавшая особую любовь к разным ведающим.

Яшень понес Василику к дому. Они враз проскочили цветочный ковер, пшенично-горькое поле, где колоски сплетались с полынью, и подъехали к самому краю родной деревни. Домики чернели, не было видно ни одного огонька. Все

еще спали, а петухи только-только открывали глаза, чтобы прокричать первый раз и возвестить, что скоро начнет подниматься солнце. Василика прыгнула на землю, взяла коня за поводья и тихонько повела сквозь скрипучие ворота. Они прошмыгнули во внутренний двор. Хорошо, что Яшень понимал ее, научился бесшумно переступать и не фырчать лишний раз. Василика отвела его в стойло, сняла седло, насыпала овса и проверила, хватает ли воды в деревянной колоде. Потом проскользнула в дом по лестнице для дворовых девок, разделась и легла в давно остывшую постель.

Ей это было не впервой. Обычно Калина не замечала или не хотела замечать ночных прогулок, реже – услышав от слуг, с криками запирала Василику в комнате, заставляя трудиться над подвенечным нарядом и пришивать к подолу бусины и багряные кружева. Василика работала медленно, отчасти потому, что не получалось, а отчасти потому, что чуть шептало ей: Калина не выдаст ее замуж, пока не будет готов наряд. Не станет мачеха позориться, не пойдет к швее. Так поступали только самые неумелые рукодельницы. Потом их высмеивали настолько сильно, что страшно было выйти из дому. Поэтому каждая молодая девка знала: плохонький, но собственной работы наряд лучше, чем цветастый, с шитьем, сделанный чужими руками. Хотя рассказывали, что столичные белоручки прикасались к шитью лишь для вида, а сами держали в доме умелых рукодельниц, которые могли и полотно цветами расшить, и каменья нитками скрепить, и ко-

кошник подправить.

Но в их далекой Радогощи было принято по-другому. Иначе Калина не стала бы суетиться и следить за всеми тремя девками, чтобы каждая могла в любой миг нарядиться, показаться жениху и ждать сватов после удачных смотрин. Василика застонала, вспомнив, что к свадебному наряду нужен еще и каравай, румяный, пышный и с солью. Всякая невеста должна преподнести его дорогим гостям и подождать, пока те насытятся, а заодно и поймут, что девка – та еще умелица. И зачем оно, если у них все равно готовят слуги? Спросить бы у Калины, да только она снова схватится за сердце и назовет Василику непутевой. А может, мачеха и сама не знала? Делала, как заведено, чтобы люди не засмеяли, и только. В Радогощи, да и других деревнях чтили старые обряды и с уважением относились к тем, кто выполнял их.

Василика тяжело вздохнула и зарылась в тонкое летнее одеяло, свернувшись в комок. Яркая луна светила за окном и словно бы подмигивала ей, мол, знаю я, девка, твою тайну, но не бойсь, никому не расскажу. Оставалось верить, что Калина не узнает и подумает, будто падчерица просидела за багряными цветами весь вечер, пока не погас тонкий огарок на расписном блюде.

С этой мыслью Василика провалилась в глубокий сон. Ей виделся Лес – дикий, непроглядный, с вывернутыми корнями и мшистыми пнями, на которых росли грибы. Посвистывал летний прохладный ветер, шелестели кронами и скри-

пели огромные дубы, зовя ее. Они просили Василику зайти поглубже, куда еще не ступали люди, и она шла, перескакивая с тропинки на тропинку и проскальзывая между стволами. Вдруг возник тонкий огонек. Он поманил Василику. Она быстро побежала к нему, нагибаясь и уклоняясь от еловых лап. Вверху ухнул филин, сорвавшийся с ветки. Птица взглянула на Василику и вдруг превратилась в жуткую седую ведьму. Она хрипло захохотала и попыталась протянуть пятнистые руки к испуганной девке. От страха, пробравшего все тело, Василика подскочила в постели и открыла глаза.

Солнечные лучи ярко освещали комнату. Позднее утро было в самом разгаре. Вставать не хотелось. Наверняка за дверью ее уже поджидала мачеха или сестры. Снова будут крики. Василика сладко потянулась на мягких подушках и отбросила одеяло. Она быстро сменила нательную рубаху с алым шитьем, бросила в рот клюкву и надкусила. Брызнул кислый сок. Василика сморщилась и тут же улыбнулась. Славные ягоды, хоть и подсохшие с прошлого дня.

Она вышла из опочевальни и прикрыла дверь. Стоило спуститься по лестнице, как к ней тут же подскочила Любава.

– А вот и наша расчудесная лесавка проснулась! – медово проворковала сестра и мигом схватила Василику за руку. – Пойдем же, матушка давно хочет с тобой поговорить.

Василике стало не по себе. Если Любава так заговорила, значит, жди беды. Калина наверняка в гневе, запрет ее в комнате или прикажет выйти на смотрины к сыновьям кметов.

Последних купчиха считала самыми недостойными. Бедные деревенские старшины жили чуть лучше простых людей. То была неровня богатым купцам, которые ходили по княжеским теремам и плавали на расписных ладьях, видели заморские чудеса. Но с мачехи станется. Она давно грозилась, мол, не сошьешь свадебного наряда сама, схожу к швее, а после силком потащу к сватам и отправлю в ближайший кметов дом, чтобы знала дурная девка, что потеряла из-за собственной глупости.

Василика тряслась всем телом, надеясь, что мачеха посадит ее за шитье. Меньшее зло, в конце концов. Калина, вопреки обыкновению, спокойно сидела за столом и жевала медовый пряник. Не топала ногами, не краснела от гнева, не пыталась схватить нерадивую падчерицу за косу. Осмотрев Василику, вздохнула и покачала головой.

– Догулялась, нерадивая, – фыркнула Калина. – Хватит с меня твоих выходок, сил уже нет ум вбивать в дурную голову. Седлай своего коня и поезжай напрямик к Костяной Ягине. А если сама не поедешь, попрошу слуг проводить аж до избы. И чтоб духу твоего в доме не было! – не выдержав, вскричала мачеха. – Ешь с лесавками, покрывайся мшистой кожей и вой на болотах вместе с водяницами, но к добрым людям не вздумай соваться! Увижу тебя в Радогощи или других деревнях, выдам за первого встречного и не пожалею, так и знай.

– Не жилось тебе спокойно на всем готовом, дорогая сест-

рица, – любовно пропела Марва. – Сама не живешь и нам не даешь. Что тут поделаешь, а?

В глазах старшей мелькали искры злобы. Василика знала, что сестры никак не могли найти себе пригожих женихов, потому как все лучшие засматривались на нее, младшую, а их, старших, отказывались вести под венец и надевать им на голову венки Лады. За простых крестьян ни Марва, ни Любава не желали идти – мечтали стать богатыми купчихами или помощницами при боярынях, но никак не кметками и уж тем более не чумазыми бабами, которые серели и худели от постоянного труда.

– И поеду! – воскликнула Василика. – Всяко лучше, чем выставять себя, как скотину, на торги!

– Собирайся, – холодно сказала Калина. – И помни, увижу где – схвачу за косу и потащу под венец! Будешь трудиться, не разгибая спины, раз не захотела жить в тепле, покое и при камнях.

Василика сама собрала котомку, думая, что может пригодиться, а что стоило оставить. Взяла немного меда, варенья, мешочек пшеницы, хлеб, несколько пирогов, стальной нож и пару бус из жемчуга и яшмы. Мало ли какой будет дорога. Да и примет ли ее Костяная Ягиня? А если примет, то как поступит – сразу съест или подумает?

Василика не знала, что может понравиться ведьме, потому и выбрала два ожерелья. Вдруг ей приглянутся камни? А может, придется по вкусу травяной мед или вишневое варе-

нь? Она надеялась, что ведьма примет гостинцы и с добром отнесется к госте. А дальше-то что? Жить при ней, служить, трудиться? Стирать одежду в речке, убирать избу, готовить и следить, чтобы все было вкусно и сытно, иначе Ягиня рассердится и отужинает ею? Всякое лезло в голову, но Василика решила: чем скорее постучит в заросшие зеленью ворота, тем быстрее узнает. Чего тревожиться заранее? Может, там вообще стоит давно заброшенная изба, в которой никто не жил много лет?

Василика прошла в конюшню, проверила, сыт ли ее верный Яшень. Конь радостно заржал. Видимо, надеялся на прогулку.

– В Лес мы с тобой отправимся, – провела она по гриве. – Туда, откуда можем не вернуться.

Яшень спокойно смотрел на хозяйку. Вряд ли он понимал сказанное. Василика надела на него седло и уздечку, прикрепила увесистую котомку и вывела коня под любопытные взгляды слуг. Конечно, громкая весть уже разлетелась по дому и обросла домыслами.

– Бедное дитяtko, – качала головой толстая кухарка.

– И вовсе не бедное! – отозвалась ее помощница. – Девка сама напросилась.

– Родная мать так не поступила бы, – запричитала та в ответ. – Оно и видно – мачеха мачехой!

– Не ту жалеешь, – скривила губы чернавка. – Бедная Калина с ней намучилась. Неудивительно, что насытилась по

уши.

– Э, дуры-бабы, – махнул рукой конюший. – Калина это специально затеяла, чтобы падчерица хлебнула горькой жизни и вернулась просить прощения. Кто ж в здравом уме к лесной ведьме поскачет?! К вечеру нагуляется, вернется и упадет в ноги.

Василика поджала губы, делая вид, что ничего не слышит. Вернется, как же! Ждите и готовьте женихов! Она обернулась и вздохнула, поймав провожающие взгляды. Мачеха смотрела с ледяным спокойствием, сестры злорадно улыбались, дворовые слуги глазели с любопытством, ожидая, что девка в скором времени прискачет назад и попросится обратно в теплый дом.

Василика вышла за ворота и мигом вскочила в седло. Яшень побегал по знакомой дороге, не понимая, что уже не вернется в теплую конюшню. Но то было к лучшему. Она сама не знала, чего ожидать, и втайне хотела, чтобы изба и впрямь оказалась пустой, пыльной, но с печью. С беспорядком Василика уж как-нибудь справилась бы, главное – постучать в ворота и подождать.

Уже знакомые лешачата выскочили у опушки и, хохоча, побежали рядом с конем. Некоторые прикидывались домашней скотиной и птицей: мычали, блеяли и кудахтали. Любили они так развлекаться и играть с людьми.

– Не к вам я сегодня, – сказала Василика. – Мне к ведьме надо.

Лешачата затихли, переглядываясь между собой, затем пожали плечами и проводили Яшеня напрямик к тому месту, где должны стоять ворота. Только самих ворот там не оказалось – лишь кустарник. Василика потерла глаза, осмотрелась: вроде бы все та же поляна, вон дуб с большими желудями, вон знакомый клен, а ворот не было!

– Чудеса, – выдохнула она и натянула поводья.

Василика обошла поляну по кругу, но вход так и не появился. Тогда она решила еще раз внимательно осмотреть кустарники, раздвинуть ветви и убедиться, что не ошиблась. Руки сразу же наткнулись на острые колючки, острая боль пронзила пальцы. Пришлось отдернуть руку с оханьем, но оно того стоило – обернувшись, Василика увидела знакомые ворота! Они выглядывали из-за еловых веток, как будто все время стояли на том же месте.

Яшень навострил уши. Коня пугали незнакомые запахи и лесная тишина, словно где-то сбоку притаилось лихо и вот-вот нападет, размахивая всеми своими лапами. Сердце Василики тоже учащенно билось. Может, она находилась на грани смерти. А может, что-то в ней ломалось и откалывалось, как откалываются ненужные куски камня, когда высекают скульптуру. Пересилив себя, Василика дрожащей рукой постучала в ворота. Громко и решительно, чтобы точно услышали.

Поначалу ничего не произошло. Василика замерла перед дверью, онемев от страха, не зная, что будет дальше, вслуши-

ваясь в каждый шорох. Наконец кто-то прошел через внутренний двор, и заговоренные ворота со скрипом отворились. Перед Василикой стояла седая женщина, хмурая и бледная настолько, что могла бы сойти за мертвеца. Она посмотрела на Василику исподлобья и сказала:

– О, ну вот и ты, красна девица. А я все думала, когда ты явишься.

– Я?! – не поверила та собственным ушам. – Вы меня ждали?

– Аж целый месяц назад, между прочим, – фыркнула Костяная Ягиня. – Карты показали, что явишься, да и ты сама тут все разъезжала, ходила вокруг да около. Ну проходи, раз пришла. Чего на пороге стоять?

Она впустила Василику и заперла ворота. Внутри оказался самый обычный двор. С одной стороны гуляли куры, с другой – брехал цепной пес, а посередине стояла черная изба, не хуже и не лучше радогощецких. Василика даже немного разочаровалась. Никаких человеческих останков, кипящих котлов с разным варевом и звездами, капель крови, кусков мяса – в общем, ничего необычного.

– Лошадку привяжи, – сказала Ягиня. – И пойдем в дом.

Василика привязала поводья к крепкой дубовой ветке. Яшень недоверчиво покосился на нее и заржал. Видимо, просил не бросать одного в жутком месте, но выбора не было. Она вздохнула, потрепала коня по морде и пошла вслед за ведьмой.

Внутри было вполне обычно. Висели охапки трав под потолком, сушилась какая-то одежда у печи, на подоконнике лежала колода карт, на лавке спал жирный черный кот, а на столе стояли глиняные кружки со сбитнем. Ягиня жестом велела садиться, затем села сама и немного отхлебнула, с удовольствием нюхая теплый дымок.

– С черникой, – довольно улыбнулась она. – Сама делала.

– Б-благодарю, – сказала Василика. – А у меня там угощение есть. Ну, в котомке...

– С угощением потом разберемся, – махнула рукой ведьма. – Думаешь, не вижу, что тебя трясет, словно лист березы на ветру? Бродила возле меня от отчаяния, пришла – из-за него тоже, и что теперь?

– Что? – Василика растерянно сглотнула. – Вы... отобедаете мной?

Костяная Ягиня расхохоталась, разбудив кота.

– Отобедаю! – Повернула голову: – Ты слышал, Сметанник, что нам тут предлагают?

Тот устало зевнул и принялся вылизываться, зубами выдирая колтуны из мягкой шерсти.

– А что тогда?

Страх совсем затуманил ум Василики. Она не знала, чего ожидать от ведьмы. Неожиданное гостеприимство пугало ее. Да, колдуньи и ведуньи умели ворожить на картах, предсказывать будущее, но чтобы дикие и лесные угощали людей сбитнем? Особенно если то была Костяная Ягиня, обладаю-

щая страшной силой. Ею пугали в Радогощи с колыбели, и всякому было ведомо, что она знаетя с навьим миром, вхожа к потусторонним тварям и уже давно потеряла все человеческое.

Женщина, которая сидела напротив Василики, ничем не отличалась от самой простой травницы, разве что в глазах отплясывали огоньки.

– Пламя и кости, девочка, – вздохнула ведьма. – Ягиня – агни, агнем когда-то звался огонь, но то было давно, когда твоя прабабка лежала в колыбели и шептала что-то на младенческом.

– И что? – спросила с интересом Василика.

– А то, что мои кости поизносились, а пламя потихоньку меркнет, – продолжила Ягиня. – Еще лет десять назад карты подсказали, что придет на смену девица, вот ты и пришла. Назад уже не повернешь, даже если захочешь.

– Не захочу. – Василика улыбнулась, отпила половину кружки и удивилась вкусу. Такого сбитня не подавали даже на пирах, куда ее возил отец. Сладкий, отдающий пряностями, травами и цветами. – Ни за что не захочу!

– Посмотрим, – усмехнулась ведьма.

Она не стала признаваться, что девка была не первой. Приходили и другие, стучали в ворота. Одни просились сами, другие растерянно хлопали ресницами, как эта, третьи пятились и нарочно ворожили на убывающую луну, тем самым приводя к себе Смерть. Всех сгубило колдовское ре-

масло на полпути, но Василика о том даже не догадывалась.

«Жаль будет эту, – подумала про себя Ягиня. – Красивая. Таких ладных еще не бывало. Впрочем, посмотрим, может, она и выдержит».

Волчья тропка

Духи Нави всю лето наслаждались. Ягодный сок стекал по тонким маскам, черничные капли заливались в отверстие на месте рта. Хищные глаза в прорезях горели жутким блеском. Они манили, звали Василику за собой.

– Потанцуй с нами, дивная молодница, – нашептывали нечистые. – Всего один танец, милая. Забудь о бедах и пля-

ии!

Служители Нави причудливо двигались у костра, напевали что-то дикое. Кто-то отбивал рваный ритм, непонятно с какой стороны долетали звуки свирели. Отчего-то Василике казалось, что за чудными масками прятались не лица чудовищ. Духи виделись ей ослепляюще красивыми – настолько, что их зову невозможно было сопротивляться.

Пламя костра разгоралось все сильнее, хотя никто не подкидывал туда дров. Тени в масках то сливались в хороводе, то расцеплялись, то разделялись на пары и кружили друг друга, перепрыгивая через пляшущие огоньки. Кто-то и во все отбил, спрятавшись в кусты. Нет, они не миловались, только жадно ели сладкие ягоды, срывая их с веток зубами и с удовольствием глотая сок. Но ни эта дикая пляска, ни ягодный сок не могли унять их голода – насыщение давала лишь кровь, человеческая кровь. Василика чувствовала кожей их жажду. Давно в Лес на Грани не забредали случайные путники, давно не было свежей живой воды, давно огонь человеческих душ не трепетал в их лапах.

Будь их воля, они бы подскочили к Василике, закружили вокруг нее, вбирая в себя давно позабытое тепло, но заговоренные ворота не пускали духов Нави. Костяная Ягиня еще на рассвете лет позаботилась об этом, создав заклятие такой крепости, которое не по силам служителям Нави. Даже Леший и тот вынужден был считаться с ведьмой. Василика принадлежала лишь ей и никому другому.

Ученице предстояло впитать силу своей учительницы и стать новой хранительницей волшебного Леса, позволить старой Ягине уйти в тишине и покое. Теперь Василику терзал страх. Она смотрела на духов Нави и не представляла, как у нее хватит воли приказывать им. Говорить с ними жестко и требовательно, слыша в ответ насмешки? Духи поглядывали на Василику с интересом, голодом, пренебрежением и ненавистью. Они хотели и ненавидели ее, желали жаркой плоти и души.

– Не пялься на них, – проворчал Домовой. – Каждое лето резвятся, дым коромыслом стоит.

– Зачем служить тем, кто желает крови? – Василика нахмурилась.

Если раньше Лес казался ей убежищем, то теперь все было наоборот. Она видела его истинное лицо, и оно ей не очень нравилось.

– Мы не служим Нави, – покачал головой дух. – Мы охраняем Грань. Не поняла еще?

Костяная Ягиня за завтраком говорила что-то про Грань между мирами. Василика попыталась припомнить. Да, ведьма рассказывала ей о главном – великой границе. Деревянная изба стояла на пересечении Нави и Яви. Правь не касалась этого мира – туда уходили лучшие из людей. Навь же принимала худших и несчастных – тех, кому не повезло оказаться в глухом Лесу или чем-то обидеть одного из духов. В Нави всегда царили голод и смерть, оттого ее служители бы-

ли бледны и жаждали напиться горячей крови и огня, того самого, который исходил от каждой человеческой души.

Иной раз кто-то пытался нарушить заведенный порядок. Люди норовили обмануть духов, те – передурить «пылающих». Находились такие, кто нарушал равновесие и пытался расшатать Грань, отчего в Лесу происходили необъяснимые вещи: посреди поляны мог выскочить обозленный дух, громко выругаться и исчезнуть, иногда появлялись люди, желавшие встретиться с Лешим и продаться ему. Но глупцы вралли. Костяная Ягиня повидала немало хлопцев и девок, пытавшихся провести лесного хозяина и подсунуть ему вместо крови земляничный сок. От этого хозяин приходил в ярость. Он мог сделать людей своими слугами, превратив их в лешаков и лешачат, а мог и скормить их духам Нави. Бывало разное: то одно, то другое.

И все же как красиво плясали духи! Василика взглянула на статного юношу в маске лошади. Дух подмигнул ей, отпил вина из серебряного кубка и поманил к себе. В сердце затрепетала маленькая искорка. Ноги сами понесли Василику к воротам. Сгинет – и пусть, зато вкусит неведомого счастья и побудет в любви и радости хоть миг.

– Э, а ну стой! – крикнул Домовой и схватил девку за подол. – Топай в избу, а то сгинешь!

За спиной возникла сама хозяйка. Она взглянула на духа и тихо прошептала:

– Не вмешивайся.

Домовой отпустил Василику и пополз внутрь избы, не посмев послушаться. Девку испытывали. Не может слабовольный человек познать ведьмовскую силу, иначе последняя возьмет над ним верх и прорежутся в ребрах огненные корни. Сгубит неугасимый огонь душу, и поминай как звали. Лишь сильный волей совладеет с колдовством и заставит его шипеть на кончиках пальцев.

А духи отплясывали и звонко хохотали. Пахло вином, травами, цветами и ягодным соком. Василике до жути захотелось зарыться носом в вывернутый овчинный тулуп, ощутить молодецкий запах и крепко-накрепко обнять навьего слугу. Сроду она не встречала такого красивого: все в нем было до того правильным, нежным и тонким, что Василика аж покраснела. В самом деле, чего ей стоит выйти за ворота и прикоснуться к этим длинным пальцам и румяной щеке? Заправить непослушную прядь ему за ухо, а после пригубить вина из того же кубка... О, она поймала себя на том, что уже отпирает ворота. Руки делали все сами, словно зачарованные.

Сердце Василики трепетало от предвкушения. Она представляла, как будет перепрыгивать через пламя, как острые огненные языки обожгут пятки, как польется в рот сок спелых ягод и она останется в Нави.

В Нави?

– Потанцуй, милая!

– Танцуй!

– *Попляши-ши!*

– *Подари нам себя!*

– *Отдай! Отдай! Отдай!*

Разорвалось багряное ожерелье. Крупные бусины раскатились по земле. Василика посмотрела на них одурманенным взглядом и принялась запирать почти открытые ворота. Веселый хохот сменился шипением. Все духи ринулись к ней, пытались пробиться когтистыми лапами сквозь щель. Горел костер, пожирая сорванные маски, а чудовища скрежетали когтями и выли. Но не достать им было молодой девицы. Кажется, кто-то жадно подхватил бусины, которые выкатились за ворота, но остальные продолжали царапать дубовый заслон, пока во дворе не появилась Ягиня и не выплела тонкое, как обережное кружево, заклинание. Властители ночи стихли и расползлись по Лесу. Василика села на землю и закрыла лицо руками. Слишком горько, слишком страшно. Ее трясло, а глаза не видели ничего, кроме черной земли. Ужас сковал ее.

– *Задубела ты, голубушка, – покачала головой ведьма. – Всполох, а ну согрей красну девку! И накорми горячим.*

Пламенный шар выкатился из-за угла под ноги Василике. То был верный друг и слуга Костяной Ягини. Маленький Всполох помогал Домовому поддерживать огонь в печи и отгонять злых духов, указывал правильный путь и выводил к людям из нечистого Леса. Ягиня брала его с собой, когда отправлялась на ту сторону, глубже в непроходимые дебри. Ва-

силика не спрашивала ее, а ведьма не рассказывала, но чутье говорило: не для добрых дел она ходила туда. Может, ворожила, может, приносила жертву Моране. Кому же еще? Властительница мрака и смерти требовала крови и верной службы в обмен на колдовскую силу, знания, знаки для страшных заклятий. Только крови ей всегда не хватало.

– Кому ты служишь? – едва слышно спросила Василика. – Кому служим мы?

Прошло четыре седмицы, и она уже не радовалась, как прежде. Напротив, начала понимать, почему путники объезжали Лес стороной, страшась его сильнее проливного дождя.

– Мы храним Грань, – призналась ведьма. – А так особой разницы нет, главное – не обижать богов. Ты можешь не поклоняться Моране, но не вздумай посыпать домовины солью и вредить ей. Ты можешь презирать Перуна, но не смей плевать на землю во время ливней. И вообще когда-либо, Мать – Сыра Земля тебе этого не простит. И не гляди на меня волком, девка. – Ягиня скривила сухие губы. – Ты пришла за силой, и ты ее получишь. У твоей мачехи не будет над тобой власти.

Следуя в избу за Всполохом, Василика вспомнила отблески костра и усмешки служителей Нави. Скоро она совсем перестанет бояться людей, ведь есть силы куда страшнее и опаснее. Зря молодницы лили слезы, идя под венец: горевать и выть следовало не тогда, а много позже – всякий раз, когда их мужья и дети отправлялись в Лес.

Василика усмехнулась. До чего же нелепая мысль! В Радогощи ее засмеяли бы, вздумай она сказать подобное вслух. Все знали, что добрые девки становились невестами, потом – женами и старыми матерями, прятали волосы под грубой тканью, пели тоскливые песни по вечерам и плакали, пока догорал маленький огарок на старом блюде. Женская доля отравляла и губила каждую голубку, превращая ее в сварливую и крикливую ворону. Почему-то тех, кто избежал подобной участи, презирали. Василика не понимала за что. Видимо, не зря Калина называла ее глупой.

Она попробовала жирную уху, которую поставил перед ней Домовой, и улыбнулась. Вспомнились боги. Мокошь, Лада, Велес, Перун, Морана, Крышень, Сварог, Дажьбог, Чернобог, Ярило, Яровит, Карачун. Их имена гремели в ночи, ими пугали малых детей, волхвы несли их славу в большие города. Василика была пару раз в капище, смотрела, как ярко пылал огонь, как склонялись перед ним жрецы, как молодые и старые девы прислуживали им. То капище, посвященное Перуну, стояло на окраине соседней деревни, неподалеку от родной Радогощи. Говорили, что у богов были свои сыновья и дочери, в разы сильнее обычных людей, но Василика не запомнила их имен. Калина считала, что купеческим дочерям не стоило много знать. Мачеха повторяла, что хитрые и умные девки быстро умирают, а то и вовсе превращаются в лесавок из-за своих злодеяний.

– Прогуляешься со мной завтра? – неожиданно подал го-

лос Всполах. – Засиделся я в доме, а хозяйка далеко не отпускает одного.

– А со мной отпустит? – хмыкнула Василика. – Меня ведь тоже при себе держит.

– Отпущу. – За спиной появилась Ягиня с охапкой трав в руках. – Не все ж мне с тобой возиться, как с малым дитем. Пора тебе и самой за работу браться.

Пусть так, но с трудом верилось, что ведьма по доброй воле выпустит ее. Да, Василика помогала старухе собирать травы, приносила домой охапки цветов, корзины ягод, раз даже стоворилась с лесавкой, чтобы та помогла добыть вкусного мяса. Неведомо откуда, но та принесла окорок в обмен на несколько капель крови. Скорее всего, стащила у какого-то путника, не уследившего за снedyю. По крайней мере, Василике хотелось так думать. Конечно, дочери Лешего славились своей кровожадностью. Они любили проглатывать человеческие жизни и смотреть, как теплое тело вздыхает в последний раз, падая в объятия Смерти.

Перед глазами снова возникли горячий костер, костяные маски и цветастые платки. Хитро: любой заплутавший путник пойдет на огонь, подумает, что перед ним находятся люди, и, соблазнившись морем пьяного меда, вкусными пирогами и ладными девками, тоже начнет отплясывать, отдавая себя в руки нечистых. Никто не станет задавать вопросов, если вокруг – море выпивки, вкусные пироги и ладные девки. Даром что за спиной пляшут деревья, радуясь новой жертве.

Лес обожал кровь и страх. Пылающие ягодами кусты, целебные травы, зайцы и дикие яблони – лишь одна его сторона, вторая – коварные духи, заостренные ножи и капли людской крови.

Василика иной раз думала о побеге. Скорее всего, Ягиня не погналась бы за ней, а колдовская изба не так уж далеко от знакомой опушки. Во дворе по-прежнему жевал овес Яшень, временами поглядывая на свою хозяйку. Но куда бежать-то? К Калине, которая сама прогнала ее? Мачеха рассмеется ей в лицо и велит готовиться к свадьбе. Иначе быть не могло. Нет, не пойдет Василика назад – она будет слушаться ведьму, гулять со Всполохом и дичать, как те лесавки.

Не так уж много времени прошло с тех пор, как сгнула Вьюнка. Кривоногая, без переднего зуба, она не была похожа на обычную девку. Ягиня не удивлялась – к ней в ученицы всегда просились уродины, которые могли остаться старыми девами до самой смерти. Василика стала исключением, и было в ней что-то такое, вынуждавшее верить, что девка и впрямь справится, не уйдет с духом Нави, не отдастся Лешему, ускользнет от цепких рук Мораны и станет ведьмой не хуже самой Ягини.

– Зря ты ее жалеешь, – прошептал Всполох. – У нас осталось несколько седмиц, а то и меньше.

– Ты о чем? – насторожилась ведьма.

Огненный дух не ответил – лишь взглянул на багряного

воина, сидевшего за столом. Светоч хлебал щи и хмурился. О чем думал предвестник рассвета, оставалось тайной. Он и его братья всегда останавливались в ведьминой избушке, перекусывали, отдыхали и отправлялись дальше. Светоч – рас-светный всадник, Месяц – вечерний, Мрак – ночной. Глаза у Мрака сверкали так, что Ягине становилось страшно.

Когда появлялись гости, ведьма отправляла Василику по-дальше от дома. Рано ей было встречаться с вестниками. Не каждый мог выдержать их сияние, нечеловеческое и притя-гивающее. Светоч пах медом, росой и костром. Багряный гость отдыхал лучину-другую, переводил дух, а потом вска-кивал на медного коня и уносился сквозь ворота в человече-ский мир, неся зарю.

– Чем поделишься, гость дорогой? – спросила Ягиня. – Есть ли у тебя какие вести?

Светоч нахмурился. Он всегда говорил мало, да и Ягиня особо не приставала с расспросами. Вестник отхлебнул сбит-ня, провел рукой по непослушным кудрям и поджал тонкие губы.

– Мои слуги говорили, что у тебя появилась ученица, – сказал он.

– Да, – кивнула Ягиня. – Твои слуги сказали правду, но ей еще рано видеться с тобой и твоими братьями.

– Мрак так не считает, – невесело усмехнулся Светоч. – Мои слуги дружны с его слугами, и те нашептали, будто Мрак видел твою ученицу на краю Леса, и она показалась

ему удивительно красивой.

Ягиня вцепилась пальцами в полотенце, злобно заскрежетала зубами. Всадник ночи любил Жизнь и все, что дышало ею. Ходили слухи, что в разгульные ночи Мрак губил невинных девиц, которые, отстав от подруг, оказались неподалеку от Леса. Красота лихого юноши притягивала их, заставляла отдаваться ему без остатка, а потом... Досуха выпитые и мертвые тела сжигали. То делали или лесавки, или люди, зачастую родственники умершей.

– Я ведь говорил, – обиженно произнес Всполох. – Не зря черные волки спрашивали меня про... нее.

Дух запнулся, вовремя вспомнив, что нельзя произносить имя молодежи. Тот, кто узнает, как зовут ученицу ведьмы, обретет над ней большую власть.

– Вот что, – решительно сказала Ягиня. – Ты, Всполох, отныне всегда будь подле нее. Пока рядом огонь, ни один слуга тени не посмеет сунуться. А тебя, Светоч, благодарю. Ты поведал мне страшное, но бояться еще рано.

Багряный молодец не ответил. Доел щи и вышел во двор, где ждал верный конь. Скоро начнется день, защебечут птицы, люди выйдут на улицы, а в Лесу проснутся дочери и сыновья Лешего. И Василика вернется.

– Ты не сможешь прятать ее вечно, – хмуро произнес Светоч, прежде чем исчезнуть.

Ягиня тяжело вздохнула. Ей не хотелось признавать его правоту. Правда пугала и вынуждала все больше подгонять

девку, чтобы поскорее узнавала и запоминала, чтобы могла защитить саму себя. А самое скверное – ведьма не могла сказать ей правду. Ей ли не знать девичье сердце? Василика наверняка захочет испытать миг наслаждения и сбежит с лихим посланником ночи. Шутка ли, сам Мрак заинтересовался ею. Ни одна девка не могла противостоять его чарам. Нет, пусть лучше будет в неведении. Когда наберется ума, тогда Ягиня ей все расскажет.

Отчего-то вспомнилось, как она сама чудом выжила при древней Кислице. Ее наставница родилась, когда на земле еще не было княжеств, а старшины племен то заключали союзы с хмурыми конунгами, то ругались с ними, и тогда кровь лилась рекой. Иной раз страшно было ступить к опушке – все вокруг казалось липким от крови, а в воздухе стоял едкий запах железа и гари. Но время Кислицы утекло, и на ее место пришла Ягиня. Ей повезло застать рождение княжеств, увидеть расписные каменные домики в городах. Она пробовала вино, которым угощали духи Нави, и договаривалась с лесавками и лешачатами, чтобы те таскали ей живых кур.

Война удивительно давно не приходила в эти земли, потому люди жили ладно, тихо и даже богато. Летом девки бегали за ягодами к опушке, плели венки в костровую ночь, искали чар-траву, гадали на женихов и пересказывали слухи о Ягине. Осенью же, когда наступал месяц Велеса, народ толпами ходил за грибами, не забывая о жертве Лесу, а потом все готовились к долгой зиме и просили пощады у злой Мора-

ны. Что делать Ягине, когда дни станут короче и Мрак начнет задерживаться в избе, искать глазами Василику и хитро улыбаться? Сгубит девку, не иначе. Значит, времени у них и впрямь было мало. Слишком мало, чтобы подготовить новую ведьму, но достаточно, чтобы Василика впитала силу и смогла совладать с детьми Нави.

– Что ты задумала? – спросил Всполох.

– Жуть, – усмехнулась ведьма. – Тебе не понравится, так что лучше не спрашивай.

Пришлось вспоминать все хитрости, с которыми она в свое время справлялась. Кислица испытывала ее много раз: заставляла плясать с духами Нави, говорить с лесавками, Лешим, принимать Светоча, Месяца и Мрака, ходить меж людей и помогать слабым, спиной чувствуя коварство и злобу, а потом... Потом Кислица отправила Ягиню туда, откуда не возвращались люди, чтобы та прошла посвящение, напилась мертвой и живой воды, откушала с тем, кому служили лесные духи, познала вкус Смерти и вернулась, представ перед ведьмой уже не ученицей.

Кислица не готовила к путешествию. Если бы не Всполох, Ягиня вообще ничего толком не поняла бы. Отчасти ведьма была благодарна наставнице за это. Не каждая девка могла понять и перенести подобное путешествие. Два десятка девиц в разное время стучались в ее ворота, и все стали частью Леса и забыли о прошлой жизни. Некоторые до сих пор заывали в глубинах чащи и блуждали бледными тенями, не

зная покоя.

А сколько же учениц приняла Кислица? Оставалось только гадать. В отличие от Ягини, она сразу брала быка за рога: рассказывала о ворожбе на крови, заставляла собирать травы на убывающую луну, отлавливать зайцев и красть животину, приносить жертвы богам и духам Нави, чтобы те даровали удачу и силу.

Ягиня усмехнулась. Дочь купца наверняка рухнет на пол, когда узнает, чем ей предстоит заниматься. Одно дело – собирать травы, другое – чертить колдовские знаки, призывать пламя и пытаться вонзить лезвие ножа в чужую плоть. У Ягини получилось лишь на третий раз, когда Кислица заставила ее заколоть ворона и вырезать знак Мораны на черной земле. Кажется, на том месте до сих пор ничего не растет, кроме чертополоха. Зато Ягиня смогла пройти в Навье царство и переродиться.

От одного воспоминания пробрала дрожь. Словами не описать, каково это, когда тебя собирают по косточкам, скрепляют их живыми и мертвыми водами, заставляют кровь течь по-иному и привязывают твой дух к Лесу. То был тяжелый обряд, который длился целую вечность. Возможно, боги щадили девок, когда убивали их, не давая стать ученицами и испытать жуткую боль.

Ягиня заварила себе травяного чаю, чтобы успокоить сердце. Такое благословение было хуже смерти. Позволить Мраку забрать Василику? Нет уж, раз пришла, пусть идет до

конца. Никто не заставлял ее стучать в ворота.

– Стереги ее, Всполох, – сказала ведьма. – Не подпускай к ней Черного всадника ближе, чем надо.

– Слушаюсь, – отозвался пламенный дух.

Маковый свет разливался по небу мучительно долго. Ведьма приказала Василике гулять по заднему двору до рассвета. Она сидела скучала возле старой бани и думала о том, что сруб стал совсем негодным, стоило бы поменять или поворожить. Интересно, сколько лет самой избе? С виду не дашь и десятка, а там – кто знает. Если верить слухам, то она стояла тут, еще когда Калина была совсем ребенком. А когда появилась, и вовсе никто не скажет.

– Скучаешь, девка? – выскочил Банник из-за угла. – Пошли ко мне, попаримся как следует.

– А как же анчутки? – фыркнула Василика. – Не они ли целую ночь веселятся в твоих владениях?

– Они, – кивнул дух. – Но теперь уж светает, оттого анчутки давно разбежались по округе и заснули. В бане пусто. Прикажешь растопить?

– Не хозяйка я тебе, чтобы приказывать, – покачала головой Василика. – Не надо, потом как-нибудь.

Сердце ее тосковало по веселью. Как славно прыгали духи Нави, как чудно кружились платки, как отплясывали неживые девки и молодцы, то и дело поправляя костяные маски! А запах спелых ягод? Она слышала его до сих пор. Пусть

Ягиня и говорила, что служители Нави хотели напиться ее крови, но тоска по живому скреблась под ребрами. Раньше Василике казалось, что колдовская сила – самое желанное, что может быть, не зря сами князья падали ведьмам в ноги. Теперь она думала иначе. Ягиня заставляла ее толочь травы, разрешала прогуливаться лишь вокруг избы и не дальше. Ведьма под страхом жуткой смерти запретила девке заходить глубже в чащу. Василика догадывалась, что там прятались дивные чудовища. Поскорее бы Ягиня научила ее бороться с ними!

Все, что ведьма давала ей делать, было простым и понятным. Пара-тройка заговоров, и только. Василика научилась отгонять полынью и рябиной нечисть, заваривать разные настои, смешивать ягоды с сухоцветами и травить мышей, которые норовили забраться в мешок с мукой. Разве ж это было настоящим колдовством? Василика знала не больше обычной травницы или знахарки. Такие и в Радогощи водились.

– Чего грустишь, молодлица? – взглянул на нее Всполох. – Сегодня с тобой глубоко в Лес пойдем. Хозяйка наказала к алатырь-камню сходить помолиться.

– Кому? – спросила Василика.

– А кому ты молишься? – отозвался дух. – Тому и молись, главное – силой от чудо-камня напитаться.

Про алатырь-камень ей рассказывали в далеком детстве. Кормилица говорила, будто чудо-камень, исписанный золотыми письменами, стоит на одиноком острове прямиком по-

среди океана. Костяная Ягиня посмеялась, когда узнала об этом. Алатырь-камень был верным и вечным стражем, разделявшим чашу и мир Нави. За избушкой ведьмы начиналась Грань, где резвились лешачата и злые духи, а за Гранью – огромный оберег, алатырь-камень, неведомо кем и когда поставленный. Ягиня рассказывала, будто сама Трехликая Богиня-Пряха спустилась с небес и оплела письменами огромный камень, а сам оберег наделила жуткой силой. С тех пор он сторожил Навье царство, не пускал в мир Яви. Каких только колдовских знаков на нем не было, и с помощью каждого можно было оборонить или проклясть, обернуть человека в птицу, рыбу, а то и вовсе умертвить.

А что же находилось за алатырь-камнем? Ягиня не рассказывала, но Всполох однажды проболтался, что с той стороны журчали две тонкие речушки, одна – с живой водой, другая – с мертвой. Первая действовала на духов Нави как жгучая отравка и исцеляла людей, вторая будто бы оборачивалась черными змеями, щекотала духов и разъедала человеческое тело изнутри.

Пока Василика представляла, что находится за Гранью, на небе совсем уже рассвело, а незнакомый всадник в багряных одеждах покинул ведьмин дом и уехал.

– Пойдем в дом, – сказал Всполох. – Теперь уже можно.

Василика вздохнула. Ягиня повторяла, что она еще не готова принимать подобных гостей, не окрепла, не набралась колдовской силы.

– Ручеек ты, – усмехнулась ведьма, когда девка вошла в дом. – А надо, чтоб было море.

– О чем ты? – не поняла Василика.

– О силе, – покачала головой Ягиня. – Ты, конечно, чуть сильнее обычной девки, но маловато будет. В долгий день, когда Дажьбог в разы превзойдет в силе Морану, разожжем с тобой костер. Пламя всегда питает, запомни это.

Долгий день? Наверняка речь шла о русальной неделе, когда женщины скорбели о молодости, а девки вплетали в косы ивовые ветви, жгли свечи, пускали венки по реке и пели.

Удивительно, как быстро летело время! В начале багряно-зеленого червня Василика ушла из купеческого дома. Ей казалось, что прошло всего пара седмиц, но никак не целый месяц.

– Наблюдай за луной, – посоветовал Всполох. – Так проще понимать, когда какое время.

Василика тяжело вздохнула. Ягиня дала ей мясной похлебки и наказала есть побольше, потому как дорога будет тяжелой. Девка кивнула, хоть и не ощущала особого голода. Ведьма никогда не жалела еды, повторяя, что их труд требует сытости и нет лучшего способа восполнить потерянные силы, чем мясные щи и свежий хлеб.

– Ну все. – Ягиня убрала опустевшую миску. – Домовой натаскает воды, а вы со Всполохом ступайте к алатырь-камню. Я бы тебя проводила, девка, но нельзя. Сама должна справиться, иначе лада не будет.

Василика вышла за ворота. Лешачата больше не бегали вокруг нее, не просили пахучих яств – лишь мерцали и глядели смарагдовыми очами из кустов. Кто-то куда-то крался, кто-то выл вдали, лесавки прыгали по толстым веткам и осматривались, ища добычу. Духи Нави, кажется, дремали. Не любили они высовываться днем, когда солнечные лучи пробивались сквозь густые кроны. Но Лес и без того пьянил.

Василика обошла избу и побежала, перепрыгивая через кочки. Жаль, что она не могла обернуться зверем, – так хотелось мчаться, выть, рычать, чтобы аж шерсть вздыбилась.

– Чуешь ты его, – усмехнулся Всполох. – Алатырь-камень зовет тебя.

Василика не поняла его слов, да и не хотела. Внутри разливалось неведомое тепло. Ладони заискрились, а в глазах заплясала зелень. Она чувствовала, как переговаривались деревья, как танцевали за кустарниками лешачата, как незнакомая мавка тащила мертвого путника, предвкушая пир, как журчала речка вдали, рассказывая о голодных русалках.

Василика бежала по узкой тропке, Всполох катился рядом. Вся ее душа стремилась туда, в черную глубь, где не было ни одного солнечного лучика – лишь чужие глаза светились огоньками в предвкушении жаркого пира.

– Всего один танец, – повторила Василика знакомые слова. – Всего одна пляска и одна душа.

Ее закружило по ветру. Зашумело, загудело вокруг, из ниоткуда появилась черная тень. Она почти слилась с Васили-

кой в одно целое, как вдруг Всполох с шипением прыгнул напрямик в ураган из листьев и темноты.

– Мра-ак! – закричал дух. – Не твое время, не твоя девка! Убиррайс-с-ся!

Тень превратилась в клыкастую пасть и бросилась на Всполоха. Одурманенная Василика замерла, не зная, что делать. Пламенный дух неистово зашипел и рассеял тьму. Слуга Нави сделал круг-другой и с воем растаял. Ветер улегся. Все затихло, как будто ничего и не было.

– Что это? – прошептала ошеломленная Василика.

– Тварь, – фыркнул Всполох. – Не обращай внимания, молодлица. В Навьем царстве всякого хватает.

– И как его побороть? – нахмурилась она. – Я должна знать, что делать в следующий раз.

– Побороть – никак, – грустно сказал дух. – А вот прогнать можно, не зря же хозяйка отправила меня с тобой.

Остальная часть пути прошла в тишине. Василика не бежала – ступала ровно. Клыкастая тень все еще стояла перед глазами. Стыд вгрызался в душу. Надо же, считала себя умной, а не сделала ничего! Не будь рядом Всполоха, она бы сгнула. Нет, такое никуда не годилось, и Василика пообещала себе, что после возвращения потребует, чтобы ведьма обучала ее, не жалея. Иначе как справиться с духами Нави? Что она будет делать, если Всполоха не окажется рядом? Не нравилось ей, что Костяная Ягиня щадила ее, жуть как не нравилось, особенно теперь.

Пламя в груди отплясывало и требовало выхода. Василика сама не заметила, как дикая и ранее незнакомая сила потекла по телу, словно бурный ручей, забила в ребрах и едва-едва не взорвалась. Всполох украдкой усмехнулся: не зря ведьма отпустила девку к алатырь-камню, ой не зря.

Плен трав

Голоса сплетались в один.

– *Плясать не переплясать тебе, молодица.*

– *Пляши!*

– *Пляши!*

– *Пляши и пей!*

Чем дальше ступала Василика, тем сильнее вилась по округе дурман-травы. Ее заросли уже поднимались до пояса,

нашептывали о хмельном веселье. Хмурый Всполох то и дело скалился, напоминая, что не стоит забываться, особенно когда идешь по тонкой и колющей Грани.

Шаг в сторону – смерть.

А травы пели и цеплялись за рубаху. Они звали Василику к костру, просили не отталкивать нечеловеческую руку, выпить сладкого вина и не заглядывать за костяную маску. Ее нутро наполнилось незнакомой жаждой и жгучей ненавистью к живым. Отчасти она не понимала, отчасти – разделяла эту ненависть.

Правда открылась Василике у алатырь-камня. Стоило протянуть руки и дотронуться до солнечных строк, выведенных богами, как видения вошли в ее душу и сам Лес заговорил со своей новой дочерью.

Когда-то давно не было на свете ни деревень, ни княжеств, а огромные деревья покрывали всю поверхность земли, образуя бескрайний Лес и внушая людям жуткий страх. Люди боялись древних духов. Они поклонялись Нави и приносили ей жертвы. Очень скоро люди поняли: чем щедрее жертвы, тем благосклоннее духи.

Лес помогал одним людским племенам побеждать другие. Кровь лилась ручьями, и обитатели Нави ели и пили вволю, черпая силы в скорби побежденных и злорадстве победителей. Духов питало все темное, как будто каждого вскармливала сама Морана, но ничто не могло унять их голод. Они всегда хотели еще. Незримые для одних, являлись другим,

стравливали родных братьев, толкали в объятия чужаков, и вновь лилась кровь, и каждое племя стремилось получить благосклонность огромной непроглядной чащи, принося много жертв.

Шло время, сменялись поколения. Поняв, что обитатели Нави вечно жаждали кровопролития и никогда не желали людям мирной и спокойной жизни, великий воин Яромир отказался от старого порядка. Он воззвал к богам и объединил племена.

Прошло много седмиц, прежде чем Яромир стал первым князем и выжег добрую часть колдовского Леса, изгнав злых духов за Грань и поставив на страже великую ведьму Черноброву, ученицу волхвов.

С тех пор прошел не один век. Духи Нави не раз пытались достать князя Яромира, но тот окружил себя и свой народ защитой. Ничего не осталось от бывшего величия Навьего царства. Многие духи сгинули без следа. Но уцелевшие сделались хитрее, научились заманивать людей в колдовскую чащу сладкими речами, проникать в самое сердце и ударять по дорогому и сокровенному.

Василика тяжело задышала и рухнула в траву. Письмена на необъятном алатырь-камне все так же переливались золотом. За ним чернел Лес, но не тот, по которому ходили люди.

То было Навье царство, где пировали мертвые. Живой не мог ступить на их земли. Даже Всполох подрагивал, страшась иного мира.

Колдовская сила растекалась в крови Василики. Казалось, будто в ее сердце прорастают корнями деревья, а кожа зеленеет. Вот-вот и она станет лесавкой, начнет охотиться на людей и забудет батюшку, мачеху, сестер. И правильно.

– *Родина ведьмы – Лес, семья ее – духи, кровь ее – зелень,*
– шептал алатырь-камень.

Голова кипела. Неведомые знаки обретали смысл, и вдруг Василика поняла, какие из них берегли кров, какие – отпугивали духов, какие – призывали на помощь кровь и когти, помогали залечивать раны, бороться с самой Смертью.

Все вдруг переменялось. Глядя на выющиеся строки, Василика осознала, насколько мелочными были ее мечты, да и она сама. А Радогощь? Там все только и думали о том, чтобы набить животы, девки мечтали похвастать перед другими новым монистом или богатым женихом. Все бы ничего, да только в этих пустых хлопотах протекала вся жизнь.

Всего одно касание колдовской силы, и Василика стала иной. Ослабла радость от мысли о румяных пирогах, горячем сбитне, окороке, звенящих монистах, усерзях, кокошниках и дорогих нарядах.

– Идем домой, Василика, – сказал Всполох тверже обычного.

Она не стала спорить, медленно поплелась за духом. Глаза слипались от усталости. Спутанные мысли едва не доводили до безумия. Слишком много всего вылезало, скреблось, выло и разрывало тяжелую голову.

Хорошо, что Лес провожал их молча. А может, она просто не замечала нечисти? Чутье подсказывало: не будь рядом с ней провожатого, какая-нибудь лесавка непременно выско-чила бы поперек тропы и попыталась заманить теплую душу в свое логово. Ослабленная ведьма – лакомый кусочек. Но дети Лешего и духи Нави до ужаса боялись огня, оттого не могли подойти близко.

Василика в полубреду добралась до знакомых ворот. Если бы не Всполох, она бы их не различила и приняла за камень. Огненный дух заставил ее доползти до спальни и рухнуть напрямик в постель. Ее душа закружилась и полетела далеко-далеко, позабыв земные печали. Пожалуй, это был самый крепкий и глубокий сон за последние три седмицы. Василика не просыпалась от кошмаров, не вскакивала посреди ночи с мыслью, что не закончила проклятое шитье, не сдирала костяную маску с чарующего незнакомца – она летала дико и свободно среди звездной тишины. Нарушали последнюю только слова:

«Родина ведьмы – Лес, семья ее – духи, кровь ее – зелень».

Сказанное накладывалось печатью на душу, и внутри как будто пробивались древесные корни со скрипом и плачем. Василика смотрела на это словно со стороны, холодно, отчужденно и не чувствуя боли. Впервые за долгое время ее не терзали ни сомнения, ни страхи, ни тоска по купеческому дому.

Так умирало человеческое и рождалось иное – ведьмин-

ское.

– Не рано ли ты ее отправила к алатырь-камню? – встревоженно спросил Домовой.

– Нет у нас времени, – нахмурилась Ягиня. – Если каждую девку по несколько лет обхаживать, то не успеется ничего.

– Других обхаживала, – отозвался дух.

– То были другие, – фыркнула ведьма. – Другие времена, другие девки, да и я помоложе была.

Карты говорили: времени непростительно мало, нужно было обучить Василику как можно скорее. Понятное дело, что рассказать все Ягиня не успеет, и придется девке самой что-то познавать, испытывать на собственной шкуре. Лучше будет, если она пройдет вместе с наставницей через самое трудное, а дальше заскользит, как нож по маслу, уж Ягиня-то знала.

Василика помогала ей и, сама того не ведая, укрепляла свою силу, а теперь, после алатырь-камня, душа ее должна была раскрыться, впустить колдовское и впитать знания. Теперь пришло время ворожбы, злой, лютой, забирающей жизни и дарующей жуткое. Пути назад не было. Духи Нави должны страшиться их, обходить околицами и ни в коем разе не подманивать к себе. И Ягиня постарается от всей души.

Мясные пироги остывали на столе. Когда-то ведьма их любила. Но со временем вкус к яствам потерялся, да и Лес стал казаться каким-то блеклым. Кровь уже не бурлила, не

было прежней страсти и жажды жизни. Но старикам оно и ни к чему. Ягине казалось, что она прожила слишком долго, и пора бы и честь знать, но смерть не спешила к ней в гости. Причиной тому была Василика.

Ни одна ведьма не могла бросить свою ученицу, не обучив ее основам своего ремесла. Пусть сердце Костяной билось все медленнее, а душу сильнее терзали скука и тоска по неизведанному, Ягиня никак не могла оставить девку. Василика должна была впитать и силу, и знания хотя бы на треть, а лучше – половину.

Ведьма молила богов о том, чтобы девка осваивалась быстрее. Жить на свете стало почти невыносимо. Опротивела изба, колдовское бремя давило на плечи, а сил становилось меньше и меньше. Знал бы кто, как хочется старой Ягине укутаться в одеяло, крепко заснуть и не проснуться следующим утром, но... О, сколько еще забот!

Ведьма допила пряный сбитень и покачала головой: раньше вкус был насыщенней, а теперь совсем другое. Взглянула на полати, где спала Василика, и улыбнулась помимо воли. Сколько жизни было в девке, сколько силы и ведьминской, и человеческой! Лишь бы прожила свой век не зря, не надела-ла слишком много глупостей (совсем без них никак нельзя – молодлица же!) и оставила по себе какой-то след, будь то серебристая пряжа или ладная ученица.

– Скажи Баннику, – обратилась Ягиня к Всполоху, – пусть растопит баню и поддаст пару. Скоро девка проснется, надо

отправить ее в мыльню.

Дух кивнул и укатился за дверь. Нельзя было начинать тяжелые дела с плохого – сперва пусть сила забурлит внутри Василики, загорится смарагдовое пламя в зеницах, и девка окунется с головой в ворожбу, будет слушать и запоминать все сказанное, а руки сами возьмутся за обрядовый нож.

Не успела Ягиня дожевать пирог, как из-за двери появилась знакомая тень. Черные руки тянулись к печи и знаками грозили ведьме. Ей, Костяной, грозили, надо же! Она усмехнулась и, не сказав ни слова, обмакнула кончик вороньего пера в стоявшие рядом чернила и вывела на куске бересты три треугольника. Защитный знак засиял золотом и взвился дымом. За дверью раздалось злобное шипение. Черные руки дернулись, как будто обожглись, и уползли, скрывшись с глаз.

– А ты что вздумал, – процедила Ягиня, – середь бела дня пакостить?! Нет уж, Мрак, не выйдет. Не пришло твое время.

– Что случилось? – На шум прикатился Всполох.

– А, – махнула рукой ведьма. – Дух ночи посреди дня безобразничает.

Черный всадник останавливался в ее избе поздно вечером. Его глаза светились лихим пламенем, черные руки сгребали со стола всю снедь. Мрак всегда ел жадно, а потом вскакивал на верного коня и уносился прочь. Среди всех братьев он один отличался лихим нравом. Однажды чуть не отрубил

лапу Домовому за то, что тот косо взглянул на него.

Ягиня знала, что беды не миновать, раз уж молодлица приглянулась Мраку. Она чувствовала, как кровь вот-вот прольется в избе, закружится паром, а после иссохнет, и не останется ничего от страшного злодеяния. То уже было предначертано, ей, ведьме, оставалось лишь подготовить девку. Василика могла отбросить Мрака за ворота, накинуться на него соколицей и прогнать прочь, приказав нести службу и не останавливаться в избе.

Но то будет нескоро. Ей еще познавать и познавать. Забудет девица о молодцах, румяных булках и меде, но другие заботы окружают ее, и в них пролетят годы. Когда привыкаешь ходить по Грани, общаться с обитателями Нави и ставить охранные знаки, то смотришь на живых совсем иначе. Вечные ссоры князей, слухи и людское коварство уже не кажутся чем-то страшным, а завывания молодых девок и вовсе выглядят смешно.

Хотела бы Ягиня снова прочувствовать свою семнадцатую весну, вспомнить ворчливую Кислицу и то, как старуха оттаскивала ее за косы от перелеска, повторяя, что ведьмам молодцы ни к чему. Поначалу было тоскливо, но с каждым годом ворожба увлекала сильнее и сильнее. Ягиня помнила, как Кислица отпустила ее в деревню на русальную неделю, а она стояла с венком и понимала: слишком много пустоты в деревенских забавах. Ягодное вино совсем не пьянило, хмельные парни не казались красивыми, не то что духи Нави.

Обыденная жизнь нагоняла тоску. Так было, пока в Радогощь не пришла война. Степняки налетели ночью, выжгли избы дотла, увели мужиков и девок в плен. Немногим повезло спрятаться. Они-то и побежали за помощью к Кислице. Ведьма не ведьма, а все же своя, не чужачка. Не отвернулась, вылечила раны, помогла кое-как обустроить общий сруб, договорилась с водяником, чтобы тот двигал жернова на мельнице без подати хотя бы ближайšie несколько седмиц. Знала ведьма, что забудут ее добро, но ничего не взяла, да и Ягине посоветовала не просить, если сами не настаивают.

– Ты возьмешь, – говорила Кислица, – а потом с тебя возьмут в семь раз больше, и не люди, и не булками да пирогами.

Вскоре все забылось, стерлось по весне, пришли новые люди, сделали свежие срубы, наставили изб, выкопали землянки, кто-то даже начал мечтать о каменных домах, но его быстро засмеяли, мол, где же это видано, чтобы вместо досок – камень.

Теперь в городах строили много бело-красных каменных домов, лепили из глины украшения к ним. Так поступали богатые купцы, желавшие встретить старость в тепле и достатке. Оно и правильно, ведь каменный дом не разваливался десятилетиями. Изба Ягини держалась на ворожбе. Сруб-то был заговоренный. Кислица сказывала, что доски принесли ей духи Нави из того Леса, который стоял за алатырь-каменем. Правда или брехня – неясно, только изба стояла давно и ничего ей не делалось ни от снега, ни от проливных дождей,

ни от жуткой летней жары.

Ягиня вздохнула и принялась перебирать травы. Вереск и полынь наверняка понадобятся. Придется истолочь, из одной части сделать отвар, а другой – окурить избу, чтобы отогнать непрошеного гостя. Пусть ругается Мрак, сколько хочет. Вечно ему не нравилось отдыхать у Ягини из-за неприятных запахов, мол, за версту несло обережной защитой и полевой горечью. Теперь-то будет ругаться еще больше. Сам виноват. Не она же заставляла его подкрадываться к молодой.

– Распоясался, – пробормотала ведьма. – Вечно все не как у братьев.

Светоч, Месяц и Мрак, не зная сна, объезжали землю кругом. Боги наказали им останавливаться для отдыха только у ведьм, обитавших возле Грани. Каждый из братьев мог немного отдохнуть и поесть, а после должен был снова отправляться в путь. Но если багряный Светоч и бледный Месяц покорно выполняли волю богов, то Мрак вечно норовил вытворить что-то лихое, а потом ускакать со злым хохотом.

– Паршивец, – фыркнула Ягиня, вспомнив дикий взгляд черного всадника. – Но ничего, и на тебя найду управу.

– Найди уж, хозяйюшка, – зашевелился рядом Всполох. – А то спасу от него, окаянного, не будет.

Сила Мораны утекла с талым снегом, и на отогретой земле проросли травы, а вместе с ними – огромные ковры

цветов. Их запах, пьяня, разливался по Лесу, полянам и лугам. Синие колокольчики, ландыши, лютики, нежные первоцветы разных оттенков – от желтого до небесно-голубого, а над ними склонялись ветви диких яблонь. Василика нежилась под солнцем, то и дело стряхивая с волос белые лепестки. Совсем рядом жужжали пчелы – тоже радовались и встречали первое тепло.

Сердце Василики радовалось вместе с растениями. Теплый ветер шевелил траву, рассказывая о том, что совсем скоро начнется жаркая пора и наступит певучее лето. Даже лесавки и те вышли из-за деревьев и начали выплетать венки, один другого краше. Маленький леиачонок потрянул землистозелеными кудрями и подскочил к Василике, вложил ей в руки огромный травяно-желтый венок и отскочил, подмигнув. Она улыбнулась. Да, обитатели Леса наконец-то приняли ее.

Василика села посреди поляны. Но стоило ей надеть венок, как среди трав вытянулись огромные черные лапы, схватили ее и поволокли глубоко под землю. Она с криком полетела в пустоту, в стороне послышался злобный хохот. Ее затрясло, страх ударил в душу.

Неподдельный ужас вытолкнул Василику из кошмара. Она посмотрела на свои руки, потрогала лицо и наконец выдохнула. То был всего лишь сон. Ягиня возилась возле печи, замешивая тесто. Всполох вертелся рядом.

– Василика очнулась! – воскликнул дух.

– О, – подняла голову ведьма. – Долго же ты спала, молодлица. Полтора дня пролежала.

– Что со мной было? – Василика провела ладонями по голове. Перед глазами как будто бы стоял туман, а внутри и того хуже – вертелся вихрь, переворачивая и тело, и душу.

– Что, что, – буркнула Ягиня. – То же, что и со всеми ведающими случается в самом начале пути.

Шепот алатырь-камня рассказал Василике о многом. Молодица широко раскрыла глаза, поняв вдруг, что ей открылось намного больше, чем раньше. Она чувствовала страх Всполоха, слышала хихиканье Домового, едва различимый топот возле ворот и видела... нити. Серебристые нити тянулись везде и всюду. Целый клубок плясал внутри Ягини, охваченный бледным пламенем, такой же, но чуть меньше, был у Всполоха, а в Лесу... Василика выглянула в окно и ахнула: весь Лес переливался серебристо-смарагдовым светом! Сколько нитей, сколько жизней! Лишь духи Нави были темны и пусты, без единого огонька внутри.

– Есть будешь? – спросила Ягиня.

В животе заурчало, но в горло не лез даже хлеб. Василика не понимала, как можно думать о еде, когда вокруг творилось... такое? Бурлящее пламя напоминало воду, кипящую в котелке. Это была сама Жизнь, ее чистый исток. Он звал ее, просил прижаться к ближайшему дереву и слиться с ним воедино, чтобы сердце Василики запело вместе с ветром и зелеными листьями, чтобы вся ее душа заплясала и закипе-

ла, сверкая гранями на солнце, как огромный смарагд.

Василика спрыгнула с печи, вышла во двор и ахнула. Хвойный Лес дышал силой и вместе с тем жаждал тепла и людской крови. Она остро почувствовала голод обитателей Нави, услышала холодное дыхание мавок и лешачат, шипение неупокоенных духов, бесконечный шепот трав и крон, тянущихся друг к другу и говорящих о разном.

И как она раньше не замечала? Василика чувствовала саму Жизнь, смаковала ее от всей души и дивилась переливчатому пению птиц, таких хрупких, легких и бесстрашных. Они не опасались Лешего, коварных русалок и неведомых чудищ. Их беспечности можно было позавидовать.

Ах, как захотелось заплясать, запеть, пустить по реке весенний венок и подмигнуть какому-нибудь молодцу, обещая скорую встречу, а потом не явиться! Лес вскружил Василике голову. Еще немного, и она вольется в лесной хоровод, обнимет зеленых лесавок и поддастся им, нежити на радость. В детях Лешего и в самих не было огней Жизни, вместо пламени у них внутри мелькали землистые тени, оттого и глаза их сверкали так злобно. Порождения нежити, лишенные пламени, они жаждали тепла и стремились пожирать его днями напролет. Дай им несколько капель крови, и они откроют тебе неведомые тропы, проведут сквозь зеленый полумрак, овраги и кочки к нужному месту, но никак иначе. Нечисть обожала кровь, горячую и сладкую, как только что сваренный сбитень.

Василика хмыкнула и покачала головой, а затем вернулась в избу. Не получит родня лесного хозяина сегодня доброй поживы. Да и ей ничего не надо было от мавок.

– Погадай мне, – вдруг попросила она Ягиню. – Ты ведь можешь?

– Дурное дело, – фыркнула ведьма. – Ты теперь на распутье находишься. Там столько дорог, что и карт не хватит.

– Даже на любовь? – усмехнулась Василика.

– Даже на любовь, – кивнула Ягиня. – Лучше сходи в баню, попарься, а потом берись за дело, раз есть не хочешь. Надо воды наносить и сделать несколько отваров. Рук не хватает.

Василика не стала спорить. Наверняка старая ведьма видела и знала больше ее. Может, и глаза ее глядели по-другому, не как у людей и не как у Василики? Она видела душу девки и могла сказать, чего ей и впрямь не хватает. Если отправляла купаться – значит, не зря, хотя Василике не очень хотелось идти в натопленную парковую мыльню.

В предбаннике молодлица скинула посеревшую рубашу и похвалила Банника, который уже приготовил чистую одежду и полотенце. Лохматый дух захихикал и исчез. Василика улыбнулась и прошла в комнату, где стояли бочонки с теплой водой. Неподалеку лежал травяной веник. Эх, будет славно! Что-что, а мыться ей нравилось, хоть и часто не было сил для подготовки. Если в купеческом доме обо всем заботились чернавки, то здесь приходилось таскать ведра самой. Иногда

этим занимался Домовой, но у духа находились и другие дела.

Василика взяла деревянный ковш, зачерпнула воды и вылила на себя. Вместе с потоком уходили пот и грязь, кожа очищалась, сперва белела, затем румянилась. Василика звонко, по-девичьи засмеялась и начала обливаться водой все быстрее, не забывая промывать русые волосы. Эх, хорошо, славно! Не водица то была, а настоящее море целебных огоньков. Жар гнал прочь все страхи и сомнения, очищал не только тело, но и душу, и Василике становилось удивительно легко.

Она отставила ковш в сторону, схватила травяной веник и принялась бить себя, прогоняя остатки черноты. И правильно – прочь треклятую тьму, нечего ей хозяйствовать в душе молодницы, и не простой, а ведьмы. Василика вдохнула запах хвои, можжевельника и полыни. Чудный веник! Не зря провозилась, собирая травы.

– О, совсем другое дело, – усмехнулась Ягиня, когда Василика вышла из мыльни румяная, чистая и с улыбкой аж до ушей. – Теперь, молодница, поешь и берись за работу. Дел мно-ого.

– Благодарю.

Василика придвинула миску со щами и с удовольствием начала хлебать. Пустой живот требовал сытной пищи.

– Да ты вся светишься! – хохотнул Всполох. – Ну прям ярче меня!

Блаженство, окутавшее Василику с головы до ног, не уходило. Жар пульсировал в крови, тело сияло и искрилось силой. Она с аппетитом доела и принялась за работу. Ягиня с усмешкой наблюдала и подсказывала. Ведьма могла бы собой гордиться – ее ученица с довольным урчанием таскала полные ведра, а потом смешивала травы и делала это так ладно, что даже Всполох поневоле залюбовался.

Работа кипела. Отвары варились, настаивались, заговоры начитывались, а ведь надо было еще между делом озаботиться ужином и непременно угостить Домового и Всполоха. Все давалось Василике необычайно легко. Закончив подметать избу и убедившись, что пряные зелья стоят в углу, она прошмыгнула во двор, взяла заскучавшего Яшеня и повела коня за ворота.

Ягиня была не против. Ведьма позволяла Василике вольно кататься по перелеску, а если та привозила с собой травы или снесь, то и вовсе радовалась. Вот и девице вдруг захотелось промчаться на коне, посидеть на тихой поляне и взглянуть издалека на Радогощь.

В ведьминой избе дни пролетали незаметно. Очень быстро русальная седмица сменилась месяцем липнем, когда травы, ягоды, грибы и впрямь липли к рукам, сами просились в туес, а деревенские дети бегали почти голышом и боялись только одного – злой Полудницы с острым серпом в руках.

Василика проскакала по перелеску, сделала круг-другой, выехала к опушке и привязала поводья к толстой ветке дуба,

а сама уселась на зеленой траве, расплестать косу и напевать:
– Ой-ли-лю, ой-ли-лю, я тебя, родной, люблю. – Молодица улыбнулась верному коню. – В гриву травы заплетаю, вечным другом нарекаю.

И в самом деле, не петь же ей о добрых молодцах из Радогощи? Василика видела в них побратимов, с которыми можно пить сбитень, рисовать похабщину на земле, обкидываться снегом, но никак не миловаться у костра. А между тем душа ее девичья жаждала чего-то подобного, но признаться в том Василика не могла. Что Ягиня, что Калина – обе смотрели на молодых снисходительно. Первая и вовсе посоветовала пить мятные чаи, чтобы унять жар в груди.

Отчего-то вспомнился молодец, что снился ей едва ли не каждую седмицу. В нем не было ничего красивого, а от черных ладоней веяло кровью и пеплом, но глаза парня горели таким пламенем, что сопротивляться она не могла. Такие воины не приезжали в Радогощь. Они состояли на службе у князя, рубили головы, жгли деревни, насиловали девок, а в свободное время пили вино. Эти молодцы казались Василике хуже духов Нави, ведь последние губили людей от голода, заложенного природой, но никак не по собственной прихоти.

Служители Нави... Она улыбнулась, вспомнив их красоту. Статные, ясноликие, с пышными кудрями и недобрыми взглядами. Если не всматриваться, то легко обманешься. Однажды Василике удалось поплясать с ними совсем немного. Она ухватила за нечеловеческую руку и запрыгала вокруг

костра, всматриваясь в костяную маску. К живым людям так не тянуло, как к духам. То была жуткая тяга. Ягиня вместе со Всполахом оттаскивали ее чуть ли не за косы. Ведьма грозила ей страшной карой, обещая выпороть так, что она не встанет еще пару седмиц, а потом будет спать добрую часть лета на животе. Духи шипели, не желая отпускать добычу, но Костяная вырвала из их лап Василику и утащила в избу, сыпля проклятиями.

– А бывает ли любовь вообще? – Василика грустно взглянула на Яшеня. – Калина отца не особо жаловала, да и девки наши миловались с молодцами только для того, чтобы потом друг перед дружкой хвастать.

Молодицы выли от горя, уходя в дом мужа, и это тоже казалось странным. Разве могла девка, идя за милого, заливаться слезами и обнимать порог родительского дома? Да, всем было велено выплакивать слезы до замужества, но, судя по всему, и после приходилось горько. И зачем тогда идти, если можно остаться?

Василика усмехнулась. Калина побагровела бы и назвала ее глупой. Ягиня на подобные вопросы лишь качала головой и повторяла, что люди слишком просты и не видят дальше собственных карманов. В чем-то ведьма была права. Василика вплела в густую косу еловые веточки. Мягкие волосы плохо смотрелись вместе с колючей хвоей, но переплестать не хотелось.

– Ладно, дружок. – Она спрятала гребень в карман. –

Надо возвращаться, а то дел еще много.

Не зря ведьма взбодрила Василику, придала ей целую гору сил. Ягиня надеялась, что она будет трудиться до глубокой ночи. Костяная была справедлива: сперва позволяла ученице отдохнуть, очиститься, впустить в тело силу и напитаться ею, подкрепиться, а лишь потом велела браться за дела и работать до тех пор, пока луна не начнет клониться к земле и пока силы не покинут Василику.

Ведьма не позволяла ей ни подолгу лежать на полатах, ни ходить усталой, с потухшим взглядом. Ягиня твердила, что им, ведающим, надо в первую очередь думать о себе, а после – обо всем остальном. И у Василики каждый день начинался с умывания, прогулки и вкусного завтрака. Конечно, не купеческая жизнь, но лучше, чем в избе любого доброго молодца, пусть и приходилось таскать ведрами воду из колодца, покупать еду, а иной раз охотиться, ставить силки. Все же – свобода, не неволя, которой пугали с младенчества.

Яшень сделал круг-другой по поляне, а после прошел через знакомые ворота. Ягиня уже поджидала ученицу у порога.

– Все никак не нагуляешься, – покачала она головой. – Лучше набери ведро воды и вычисти предбанник, а то там скоро все зарастет паутиной.

– Да, – кивнула Василика. – Что-нибудь еще?

– Потом поможешь мне со снадобьями. – Ведьма зевнула. – Надо девкам из твоей деревни отваров изготовить. Про-

силы, представляешь, – она хохотнула, – чтоб кожа белее была! Вечно им в родительском доме не сидится, беспокойные.

Василика кивнула и пошла к колодцу. Повезло, что он находился прямо во дворе, не надо было бегать к речке через овраг, слушать дивные песни русалок и завидовать их красоте. Что неживые девки, что неживые парни – все отличались ладным станом, чудными лицами. Жаль, внутри у них чернела пустота. Василика видела и ощущала ее точно так же, как летнее тепло, и сама о том жалела. Было бы славно восхищаться неживыми, а не ужасаться мраку.

– Тоскует наша молодлица, – вздохнул Всполох. – Некому сгубить ее молодость, вот и тоскует.

– А тебе бы все зубоскалить и слухи разносить, – покачала головой Ягиня. – Лучше девке помоги, раз заняться нечем.

– Не переживай, Василика, – подлетел дух к девке. – Вдруг я молодцем обернусь, и мы вместе как запляшем, как замигуемся!

– Тьфу на тебя трижды, – послышался ворчливый голос ведьмы. – Кому сказала, не смущай девку зря!

Василика улыбнулась. Она даже пожалела, что видела в нем брата, но никак не молодца и уж тем более не доброго. Впрочем, духом он был полезнее, особенно когда помогал подогреть воду и убрать грязь.

За наведением порядка время пролетело быстро, и они не заметили, когда во дворе потемнело и солнце спряталось, уступив место луне. За воротами послышался топот копыт.

Всполох быстро затолкнул Василику в баню и приказал не высовываться.

– Хозяйка сказала, – прошипел дух. – Нельзя тебе в избе быть, пока Мрак там.

– Она же его отвадила. – Василика уселась на лавку. – А чем он опасен-то, Мрак этот?

Она слышала, что Мрак, Светоч и Месяц иногда останавливались у Ягини, но не понимала, почему ведьма прятала ее от них. Неужели гости были хуже духов Нави?

– Сгубит, – съежился Всполох. – Да так, что шутить не захочется.

Костяной дом и ягодное вино

Сколько времени Холмогорское княжество не знало бед? В последний раз собратья Врана пировали, когда он еще был маленьким птенцом и только учился летать. Теперь же он проносился над лесами и людскими городами, пугая народ своим появлением.

Его следовало бы назвать одним из вороньих царей, но у

них никогда не было вожака, его собратья жили по-своему и не мешали другим. Врану повезло родиться удивительно выносливым и сильным. За это его любили ведьмы, колдуны и обитатели Нави. Только он мог пересекать Грань миров с посланиями от живых и мертвых. У иных не хватало сил – уж слишком сдавливал Навий мир. Вран и сам порой едва уносил крылья оттуда.

Знал бы кто, какой там тяжелый воздух! Он давил на Врана, на снизу скребли когтями обитатели Нижнего мира. Они чувляли тепло и жаждали его крови. Поэтому Вран не мог ни остановиться, ни снизиться, оставалось только сопротивляться давлению и лететь дальше.

Мало кто из его братьев бывал в Нави, мало кто забирался так глубоко, поэтому Врана любили и даже наделяли колдовской силой, вливая ему в кровь необычайную мощь. Ворожба помогала ему легко проноситься мимо мертвых тварей и приземляться прямым путем среди костяного дворца. Белоснежного, острого.

Вран осмотрел башню из человеческих черепов и заметил, что она стала немного выше. Видимо, к ее хозяину снова присылали неуспокоенных. Там, в Яви, их убивали, превращая в заложных покойников. Навий колдун охотно принимал их и обращал в прах.

Иногда колдуна называли царем, но то было неверно. В мире Нави не могло быть царя – никто не властен над Смертью. Для всех было загадкой, как давно и почему среди мерт-

вых поселился живой колдун, что он сделал, как поборол саму Смерть или договорился с Мораной. Вран видел, что он спокойно жил в доме из людских костей, иногда пил отвары с живой или мертвой водой и писал письма знакомым ведьмам.

Колдун жил в мире Нави так давно, что его прозвали Бесмертным, а за удобу и костяной дом – Кощеем. Впрочем, вид у него все еще был вполне человеческий. Бледный, худой, и все же в нем теплилось пламя Жизни.

– Принес? – Кощей отряхнул смоляную мантию и хмуро взглянул на Врана.

Тот потянул лапу вверх, позволяя снять письмо, а вместе с ним и сосуд с колдовским отваром.

Колдун развернул кусок бересты и принялся внимательно читать. Вран не узнал, что было в письме, – Кощей сразу же спалил его в пламени свечи, стоявшей рядом, затем схватил сосуд, залпом выпил прозрачный отвар, густо пахнущий полынью, и выдохнул.

– Во дела, – покачал он головой. – Иной раз жалею, что от живых отстранился.

Вран ничего не ответил. Кощей мог сколько угодно жаловаться на собственную участь или ворчать, его все равно никто не слышал уже много столетий. Вран не помнил, останавливались ли когда-нибудь во дворце живые, хотя ходили слухи, что временами к Кощею приходили ведьмы – самые могущественные из них, которые могли спокойно пересечь

Грань и погостить в мире Нави седмицу-другую. Но мало кто верил в подобное, ведь все знали, что с того света не возвращаются. Только самые выносливые вороны могли пересекать границу и недолго оставаться среди мертвых.

– Передашь ведьме мое согласие, – сказал Кощей. – И смотри не перепутай, а то все перья повыдергиваю.

– Не повыдергиваешь, – фыркнул Вран. – Но я тебя понял, все передам.

Он не без удовольствия покинул костяной дворец. Хмурый Кощей никогда не нравился Врану, как и весь Навий мир, где вечно кто-то выл, стонал и плакал. Конечно, были и те, кто обретал заслуженный покой, и тогда души их покидали эту юдоль, устремляясь высоко вверх. Отчасти им помогал Кощей. Может, поэтому Смерть не трогала его, что он помогал и ей, и богам, и душам? Не самый благодарный труд, хоть и благородный.

Интересно, что заставило Кощея отречься от Жизни? Тут тоже оставалось полагаться на слухи. Старшие еще в детстве рассказывали Врану, что Кощей Бессмертный когда-то давно был юношей, полным надежд и веры в лучшее, а после познал войну, кровь, море предательства и коварства, подел раньше времени и возненавидел даже воздух, которым дышал. Все вокруг казалось ему отравленным человеческой хитростью и двуличием. Тогда Кощей, охваченный презрением, чуть ли не плюнул богам в лицо, Он сам ушел в царство Смерти раньше своего срока, но Смерть не знала, что

с ним делать, – для Навьего царства он был слишком чист. Но боги не пустили его в высший мир. С тех пор сидел Кощей в костяном дворце, хмурился, писал о всяком знакомым ведьмам, иногда посылал подарки и ничуть не менялся со временем.

Многие ворожеи были ему благодарны, ведь только он добывал мертвую воду, бесценную для разных колдовских дел. Вран не мог унести много, поэтому приходилось ведьмам довольствоваться небольшими сосудами или волшебными мешочками, но и это было им в радость.

Вран летел над мрачным Лесом. Внизу шипели духи Нави. Те, что посильнее, принимали облики прекрасных девок. Они предлагали ворону сладости, кровь, воду и много отдыха. Вран вскидывал голову, чтобы не видеть их, – вокруг царила серость вместо ясного неба. В мире мертвых не светило солнце – вечнозеленые кроны плотно окутывал густой туман, скрывая то, что творилось в вышине. Но Вран и так знал, что за туманом лишь бескрайняя пустота.

Удивительно, как Кощей не сошел с ума, прожив не один век в одиночестве, среди тварей и мрака. Наверное, он видал и худшее. Возможно, его хотели убить лучшие друзья или полюбовница. А может, и то и другое – не просто так он поседел в молодости. Если судить по его виду... Вран сказал бы, что Кощей познал всю черноту мира. Незавидная участь.

Врана передернуло от одной мысли об этом, и он ускорил полет над безумным и жутким Навьим миром. Чего только

стоили лики, вырезанные на стволах деревьев! Они изображали мучения и словно кричали: «Остановись!» Но стоило замереть и засмотреться, как из ниоткуда наверняка появились бы лапы... В Навьем мире нет живых, никаких путников.

Чем раньше он вернется к живым, тем лучше. Там и передохнет, и отоспится, и восстановит силы.

Лихое пламя отплясывало в глазах Мрака. Ягиня внимательно наблюдала за гостем. Черный всадник оставил коня во дворе и с усмешкой попросил подать ему хорошего вина и мяса. Пришлось посылать Домового в погреб. Сама она спускалась бы долго, годы давали о себе знать.

– Отчего не велишь сходить помощнице? – Мрак, склонив голову набок, принялся перебирать свои угольные кудри.

– Занята она, – сказала ведьма, подавая молодцу кусок запеченной курицы.

– И чем же? – хищно облизнулся он.

– Не твоего ума дело.

Ягиня окинула Мрака выразительным взглядом, от всей души пожелав, чтобы он почувствовал ее негодование. Возможно, взгляд подействовал, по крайней мере, Мрак замолчал и начал жевать мясо.

Вестник Ночи всегда отличался непослушанием. Поговаривали, будто в нем издавна гнездилась нечисть, которая и заставляла Мрака творить зло. Если Светоч и Месяц помо-

гали окружающим и покорно выполняли волю богов, то черный всадник постоянно приносил всем беды и гибель. От того и слухи по свету шли, будто цвет Смерти – смоляной, а не белый.

Обычно Мрак задерживался у Ягини. Дремал на полотах, спорил со Всполохом или просил ведьму сварить свежего сбитня, но в этот раз он быстро доел курицу, поблагодарил хозяйку и хотел было шутливо поцеловать ее в лоб.

– Проклянуну, – шикнула Ягиня.

Мрак рассмеялся и вышел во двор. Ведьма проследила, как он оседлал своего коня и выехал за ворота. Хорошо, что не приближался к бане. Видимо, почувствовал ее негодование и решил не перечить.

«Езжай-езжай», – подумала она, глядя ему вслед.

Вслух ничего не сказала – понадеялась, что вестник Ночи и так понял намек. Не видать Мраку Василики как собственных ушей, пусть другим девкам голову морочит, а ее не трогает. У молодежи и без того забот по самую макушку.

– Я все вычистила! – тут же выскочила из бани Василика, за ней катился Всполох.

– Легка на помине, – хмыкнула ведьма. – Ну пойдем, время отвары заговаривать.

Василика побежала в избу. Всполох кивнул Ягине, мол, все хорошо. Девка ведьму ни о чем не спрашивала – значит, пламенный дух уже проболтался или сама додумалась. Не стала бы она так долго в бане возиться, если бы не поняла,

что Ягиня нарочно ее спровадила.

Все шло так гладко, что Ягиня заподозрила неладное. Василика бегала из одной комнаты в другую, не задавала лишних вопросов, не вредничала и не просилась прогуляться еще раз. Да и Мрак слишком быстро унесся, даже в окошко бани не заглянул, хотя должен был бы.

– Фу, – поморщилась ведьма, – заговором за версту несет.

– Каким таким заговором? – удивился Всполох.

– Сам знаешь каким. – Ягиня сердито взглянула на духа. –

Глаз с молодницы не спускай.

Василика заклинала отвары. Всполох присматривал за ней. Конь во дворе доедал остатки овса, куры притихли. Ягиня, убедившись, что все идет своим чередом, выдохнула, и тут над головой послышалось знакомое карканье.

– Один ускакал, другой явился, ну конечно, – покачала головой ведьма и сказала нарочито громко: – Здравствуй, Вран Воронович, лет сто тебя не видела!

– Врррешь, каррга, – гаркнул тот, приземлившись на крышу старого сарая.

– Хоть бы поблагодарил. – Ягиня сразу нахмурилась. – Принес?

Вран показал ей лапу с привязанным маленьким сосудом. Да, пожадничал Кощей. А может, просто поленился, не захотел лишний раз спускаться к мертвой реке.

С Бессмертным жителем Нави ведьма дружила давно. Их познакомила еще Кислица, хотя Ягиня так ни разу и не ви-

дела Кощея. Она не ходила по ту сторону Грани и не собиралась, но иногда получала оттуда письма, которые приносил верный помощник всех колдунов и ведьм Вран Воронович. Он летал в Навье царство еще птенцом. Поговаривали, что Врана сделали смелым и крепким колдовские зелья. Благодаря им он жил долго, летал быстро и даже мог нагрубить какой-нибудь ворожее, чего не позволяла себе ни одна мудрая птица.

Про Кощея Ягиня слышала много, но что из этого правда, а что ложь, ей было неизвестно. Слухи ходили разные. То ли и Жизнь, и Смерть отвергли его, то ли сам он проклял богов и отказался от Жизни, когда прошел через всевозможные ужасы и испытания, увидел, как тела погибших друзей становились голыми костями, как их затаптывали те, перед кем надо было преклонять колени, как его любовница скакала нагишом перед его же собратом... Страшно было представить, каким стало его лицо после всего этого! Не каждый мог выдержать подобное, и Кощей не стал исключением – дух его сломился, и Бессмертный (а тогда еще человек) из всех своих сил проклял богов.

«Если такова справедливость, то я буду вне ее!» Иногда Ягиня будто наяву слышала его давний крик, отрывки воспоминаний Кощея внезапно всплывали в ее снах, и она искренне сочувствовала ему. Никто не заслуживал подобной участи. А самое паршивое – что ей, как и другим ведьмам, это было на руку, ведь только Кощей умел доставать мерт-

вую воду. И только он, Бессмертный, мог уберечь Василику от Мрака, если самой Ягини не станет.

Карты сулили недоброе, потому ведьма спешила дать ученице самое главное, рассказать о важном. Остальное сама доберет, в конце концов, рядом с Василикой останутся Всполох, и Домовой, и, собственно, Кощей. Страшно было оставлять молодицу без попечения, но что поделать? Кислица ведь тоже ушла, оставив Ягиню посреди Леса в окружении духов Нави. Правда, ей было проще – в спину не дышал Мрак. Вообще всадники тогда быстро приняли новую хозяйку. А Месяц – удивительное дело – даже подарил серебряное покрывало, которое грело в самые лютые морозы. С тех пор Ягиня всегда подавала ему самые вкусные яства, ставила на стол наваристую мясную похлебку со свежими лепешками.

– Ох! – воскликнула ведьма. – Вот ведь память-то! Совсем забыла сказать!

Она не рассказала Светочу и Месяцу о том, что после ее ухода изба на время опустеет. Наверняка обидятся, но что уж тут поделать? Не Всполоху же принимать гостей? А Домовой не станет выполнять ее работу.

Задумавшись о будущем, Костяная Ягиня совсем забыла про Василику. Пришлось выйти во двор, чтобы проверить, насколько хорошо хранят дом обережные знаки, не стерлись ли они еще, ведь чертила она их... давно, уже и не вспомнить. Года два или три назад? Надо бы проверить. Если защита ослабеет, нагрянет лесная нечисть. Не зря ведь нежить

у ворот скребется, тянет когтистые лапы, только ничего у нее не выходит. Ведьмина изба была крепостью и держалась на заговорах и магических знаках, кругом оплетавших двор, золотившихся, горевших огнем и прогонявших незваных гостей прочь.

– Беда, хозяйюшка! – подкатился к ногам Всполох. – Беда нагрянула, горе горькое!

– Говори, – нахмурилась Ягиня.

– Ускакала наша Василика с этим, – скривился дух. – Ворвался в избу, черный, страшный, глаза горят! Подхватил – и на коня! Я даже ахнуть не успел!

И права ведь была Ягиня, сотню раз права! Беда не покидала дом – она притаилась змеей и выжидала, пока ведьма отвлечется. Слишком покладистым был Мрак, слишком быстро ускакал.

Молодцы часто обижали девок. Об этом Василике рассказывала кормилица давным-давно. Поэтому девица не злилась на Ягиню и сидела в предбаннике, ожидая, пока та спроводит гостя. Что черный всадник не уехал, а лишь притаился за воротами, Василика поняла только тогда, когда он схватил ее за руку, вытащил со двора и посадил в седло. Все случилось тихо и быстро, даже конь не заржал, а после пошел бесшумно. Но Всполох заметил – вскрикнул и покатился шаром прочь.

Они промчались через перелесок, где-то в стороне мельк-

нуло знакомое болото. Лес шумел, мавки и лешачата выглядывали с интересом, кто-то качал мшистой головой. Вдали тоскливо стонали русалки.

Василика жалась к черному всаднику, чувствовала холодное тело. В нем горело не обычное пламя, а колдовской огонь, будто вся его сущность была соткана из ворожбы. Теперь девка понимала, что ее спутник не был ни человеком, ни нежитью – чем-то иным. Больше всего пугали его глаза, выпученные, огромные и недобро сверкающие.

Она могла бы убежать в избу, позвать на помощь, но Василике так наскучила спокойная жизнь, что захотелось чего-то нового, неизведанного. Теперь же она уже немного жалела об этом, сердце быстро билось, внутри нарастала тревога.

– Не бойся, – прошептал черный всадник. – Я тебя не обижу.

Василике не верилось. Уж слишком угрожающе выглядел ее спутник.

– Я ведь не знаю даже твоего имени, – сказала она, когда всадник остановил коня.

– Мрак я. Так меня кличут с рождения.

Они спешили. Василика вспомнила, что Всполох рассказывал ей о Месяце, Светоче и Мраке – вечных странниках, всадниках Зари, Рассвета и Ночи. Все трое заезжали в избу ведьмы, чтобы перевести дух, а после вновь отправлялись в дальнюю дорогу.

– У тебя есть душа? – спросила она с интересом.

– Что-то вроде нее. – Мрак улыбнулся. – Садись, Василика, не бойся. Тебе ведь тоже не помешает отдохнуть от своего ремесла.

– Ты за этим увез меня? – Она покосилась на черного всадника. – Не для того, чтобы... обидеть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.